

РЕЙВЕН КЕННЕДИ

18+

ГРЕХИ
КУПЦІДОНА

Freedom. Дела амуров. Бестселлер Рейвен Кеннеди

Рейвен Кеннеди
Грехи купидона

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Кеннеди Р.

Грехи купидона / Р. Кеннеди — «Эксмо», 2019 — (Freedom.
Дела амуров. Бестселлер Рейвен Кеннеди)

ISBN 978-5-04-196722-2

Что получится, если собрать вместе четырех приятелей, одного принца-психопата, орду повстанцев и купидона? Одна огромная проблема, вот что! Я должна была отправиться на свое первое настоящее задание в качестве шпиона! Найти пропавшую подругу и выяснить, кто станет нашими союзниками в войне, разгорающейся в царстве фейри. Вместо этого я попала обратно в Купидвилль... И, судя по взгляду главы купидонов и большой кнопке «УВОЛИТЬ», которую он держит в руках, кажется, проблемы только начинаются.... Дело в том, что я всегда была больше романтиком, чем бойцом. Но я всю жизнь хотела найти любовь. И теперь не отдам ее без боя!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-196722-2

© Кеннеди Р., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	36
Глава 11	42
Глава 12	45
Глава 13	48
Глава 14	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Рейвен Кеннеди

Грехи купидона

Raven Kennedy
Crimes of Cupidity

© 2019 by Raven Kennedy

© Панкеева Е., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

*Всем купидонам, свахам, тихоням и подружкам невесты.
Настал ваш черед.*

Глава 1

Отлично. Просто превосходно.

Я только отправилась на свое первое супершпионское задание и уже провалила его, потому что меня выдернули из этого мира. И я ничего не могу с этим поделать, потому что сейчас мое бесплотное «я» переносится в штаб-квартиру Завесы, также известную как Купидвилль.

После тошнотворной поездочки сквозь время и пространство я попадаю в зону ожидания Купидвилля. Здесь повсюду купидоны, а значит, и море розовых волос и красных крыльев. Большинство купидонов так же, как и я, ожидают вердикта. Некоторые получают повышение или задания получше. А некоторые – понижение или дисциплинарные взыскания. А прочих... прочих уволят. Пуф. Исчезли. Пока-пока, купидоны.

И да, есть большая вероятность, что именно это со мной сейчас и произойдет.

Тревога раздирает меня когтями, пока я пытаюсь сориентироваться. Осознание, что это происходит на самом деле, обрушивается на меня, когда я поднимаю глаза и оказываюсь прямо перед стеклянной приемной огромного зала ожидания. Из-за размещенной повсюду купидоньей атрибутики это место похоже на кабинет врача.

Обычно, когда меня утягивают в зал ожидания Купидвилля, я оказываюсь в кресле по соседству с другими амурными болванами. Но чтобы меня забросили прямо к приемной? Да, думаю, это плохой знак. Я забыла про свои купидоньи обязанности, и... да, они, вероятно, из-за этого мной недовольны.

От осознания возможной потери всего, что имею, меня охватывает страх. Мои генфины. Все трое такие разные, но каждый занимает в моем сердце особое место. А еще Окот – он ламашту и моя пара. Самый нежный и любящий мужчина-бык на свете. Наша стая необычна, но все они принадлежат мне; при мысли, что их у меня отнимут, накатывает тошнота. Я буду скучать и по моим новым друзьям-фейри: земному духу Мосси, чистюле-брауни Дуру и Рога-тому Крюку Белрену. Не говоря уже о принцессе того мира. Уверена: с ней мы тоже теперь подруги.

Если меня уволят...

Нет. Я не могу этого допустить. Просто не могу. Если меня уволят, и я никогда больше не увижу никого из своей стаи...

От подобной перспективы мой бесплотный живот пронзает боль.

– Купидон.

Вынырнув из ужасающих мыслей, я моргаю и замечаю, что купидон за стеклом сверкает глазами, разглядывая меня. У нее тугие ярко-розовые кудри, а рядом с ней высится гора бумаг. Она одета в элегантный деловой костюм, на носу – ярко-зеленые очки в стиле ретро. Выражение лица строгое, и я сразу же чувствую себя виноватой, словно отвлекаю ее своим присутствием.

Я делаю осторожный шаг назад.

– Извините, я просто подожду вот там...

– Купидон номер тысяча пятьдесят, – рывкает она. – Шаг вперед.

О, боги. Они даже не заставят меня томиться в ожидании. Меня выдернули прямо к приемной и мгновенно вызывают, это явно плохой знак, да?

Я ничего не отвечаю и не двигаюсь, и тогда она вздыхает.

– Купидон номер ты...

Я бросаюсь вперед.

– Точно. Да, простите.

– Вы должны явиться в кабинет номер один.

Мой рот открывается от удивления.

– Мм. Номер один? – переспрашиваю я и поднимаю палец. – Номер один, в смысле, в *первый* кабинет? В кабинет босса *всех* боссов? Именно в этот кабинет?

С каждым словом мой голос становится тоньше.

Купидон приподнимает подкрашенную карандашом бровь.

– Верно. Кабинет номер один. Я так и сказала.

Я подношу палец ко рту, чтобы погрызть ноготь, но вспоминаю, что не могу этого сделать – мое тело нематериально.

– Точно. Тогда, наверное, я пойду прямо туда?

Купидон смеряет меня равнодушным взглядом.

– Ладно. Иду. Кабинет номер один. Встречусь с большим начальником. Потому что он меня вызвал. Конкретно.

– Хорошего вам купидоньего дня, – бесцветно говорит она и сосредотачивается на следующем купидоне.

Я прохожу через дверной проем, который ведет к кабинетам, так медленно, насколько это возможно. Может, мне стоит сбежать прямо сейчас? У меня плохое предчувствие насчет предстоящей встречи с нашим главным.

Я оказываюсь в длинном коридоре и смотрю на дверь с огромной цифрой один. Единица очерчена сердцем, пронзенным стрелой, и будто бы этот маленький символ радости каким-то образом может меня успокоить. Не может.

Как только я подхожу ближе, хриплый голос велит мне войти. Я пролетаю сквозь дверь и останавливаюсь, чтобы осмотреться. Все поверхности в кабинете большого начальника блестят. На полу – сияющий красный мрамор. Стол сделан из сияющего белого дерева. На сияющей стене с сияющими номерами купидонов висит какой-то странный плакат с изображением сотрудника месяца. И он, как вы уже догадались, тоже сияет.

Я проплываю мимо книжной полки, уставленной книгами о купидонстве. Здесь гордо выставлена на всеобщее обозрение классика: «От ухаживаний до секстинга: История Любви» и прямо за ней красуется другая книга – «Глупые купидоны: Чего не стоит делать на этой работе». Да, уверена, в ней можно прочитывать про меня. Еще здесь есть бестселлер под названием «Шестьдесят-Девять: Почему это не просто цифра».

За длинным столом в ожидании меня сидят трое. Босс – посередине. Он средних лет, у него красные крылья, розовые волосы, а взгляд злой и хмурый.

И словно бы одного его присутствия недостаточно, чтобы напугать, по правую и левую руку от босса сидят еще двое мужчин, которые пристально смотрят на меня. И это не купидоны. У первого крылья белые, а у второго – черные.

Я сглатываю.

Чего ожидать в кабинете, в котором находятся ангел, демон и купидон?

Меня вздуют. В плохом смысле.

Глава 2

У господина Демона, который сидит слева, чернильного цвета волосы и черные, как у рептилии, крылья. По их верхнему краю тянется ряд жестких темных перьев, а внизу крылья заканчиваются загнутыми шипами.

Сидящий справа ангел золотоволос. Буквально. Кажется, каждая прядь соткана из золотых нитей. Его крылья покрыты белыми перьями, он настолько красив, что на него больно смотреть.

– Сядь, – велит верховный купидон.

Они не здороваются и не улыбаются. Меня переполняет тревога, пока я плыву по воздуху к стулу и зависаю над ним. Я должна сохранять спокойствие. Может быть, тогда я смогу из всего этого выпутаться? Все же не в первый раз меня хотят уволить.

Поэтому я делаю то, что умею лучше всего. Натягиваю на лицо улыбку и использую свое природное обаяние. Я беспечно опираюсь локтем на подлокотник, но... да, мое обаяние мгновенно испаряется, потому что рука проходит насквозь, а голова неловко дергается. Демон хихикает себе под нос. Хорошо, что у меня нет тела, иначе, уверена, я бы вся заалела от стыда.

Я кашляю и снова сажусь, правильно нависая над стулом.

– Итак, что... гм, что привело вас сюда, ребята? – Боги, я будто пытаюсь подцепить их в बारे.

Никто не отвечает, и мне на самом деле становится не по себе от их молчаливо-осуждающих взглядов. Я обращаюсь к своему купидоньему боссу.

– Хороший у вас офис. Буквально сияющий. И большой. Достаточно места, чтобы настоящему расправить крылья, да? – Он не отвечает. – Поздравляю с должностью. Это место наверняка сулит много захватывающего. – Я замечаю кое-что зеленое в другом конце кабинета. – О, набор для игры в гольф? – спрашиваю я, выворачивая шею, чтобы заглянуть за ангела. – Однажды я видела, как подростки играли в мини-гольф, и им было очень весело! Ну, по крайней мере до тех пор, пока я случайно не выдохнула на них лишка Страсти, и они принялись за дело в мельнице на тринадцатой лунке. Вызывали полицию. – Я склоняю голову, задумавшись. – Вообще-то теперь, когда я думаю об этом, то уверена: вышел большой скандал. О происшествии писали местные газеты и все такое. Мальчик, наверное, потерял стипендию... Так или иначе, суть в том, что гольф – штука забавная.

Хм. Наверное, припоминать свои провалы перед начальником – не самая хорошая идея.

Ангел кладет руки на подлокотники своего кресла и смотрит на меня сверху вниз с явной насмешкой.

– Ты – купидон номер тысяча пятьдесят?

Я слегка щурюсь из-за его тона.

– Я предпочитаю, когда меня называют Эмили.

– Прошу прощения?

Я показываю ему запястье.

– Видите, ML? Эмили? Проще произносить, чем «Купидон номер тысяча пятьдесят». И быстрее. Продуктивнее. А вы, ребята, за продуктивность, верно? – улыбаюсь я и надеюсь, что они на это купятся. Ангел хмурится. Не купился.

Тогда я бросаю взгляд на запястье начальника. Помимо номера купидона в виде римских цифр – CD, на его руке вытатуировано пронзенное стрелой сердце, которое обозначает, что он является главой купидонов.

– CD, – размышляю я вслух. – Могу ли я называть вас Семой?

– Нет.

– Но послушайте, Сема, иногда иметь имя просто приятно, понимаете? – Я гляжу на него, но он смотрит на меня в ответ так, будто не понимает.

Я перевожу взгляд на других мужчин.

– Спорим, у вас есть имена?

Сема выглядит так, словно хочет меня задушить, но ангел отвечает:

– Я Разиэль. Представитель ангелов.

Я киваю в знак приветствия и выразительно смотрю на демона. Сема поворачивается к нему.

– Это представитель демонов, Джеркаф¹.

Я не успеваю сдержать смешок.

Демон смотрит на меня, прищурив черные глаза, и от него буквально начинает валить дым.

– Что смешного?

Я решительно качаю головой.

– Не. Нет. Ничего смешного.

Но у меня вырывается предательское хихиканье.

В его глазах вспыхивает пламя преисподней. Суперстрашно.

– Тебя веселит мое имя? Думаешь, «Джеркаф» смешно звучит?

Я стискиваю челюсти так сильно, как могу, чтобы не рассмеяться, но это ужасно трудно сделать. И от того, как он на меня смотрит, становится еще хуже. Дополнительное давление. А я плохо на это реагирую. Похоже на приступ хохота посреди похорон.

– Это традиционное имя в моей семье, – защищается демон. – Полным-полно многоуважаемых Джеркафов.

Не смейся, не смейся, не смейся.

Но смех клубится в горле и душит. Полусмех-полухохот все-таки вырывается, как бы я ни старалась его сдержать. Мне удастся оборвать этот неуместный смех лишь звуком, подозрительно похожим на отрывку, и поэтому я пытаюсь зажать рот бестелесными руками – дальше выставлять себя идиоткой уже некуда.

Демон вздыхает, и дым рассеивается.

– Ты закончила?

Я энергично киваю, потому что не верю, что смогу говорить.

Сема прочищает горло.

– Вернемся к насущному вопросу. Тебя вызвали сюда для ответа перед тремя Главными силами Завесы.

Я перевожу взгляд с одного на другого.

– Подождите, купидоны так же важны, как ангелы и демоны?

Демон ухмыляется в ответ на мой вопрос, но глава купидонов выглядит оскорбленным.

– Конечно, да. Жизнь, любовь и смерть, – говорит он и последовательно указывает на каждого из Глав. – Жизнь и смерть – ничто без любви, – защищается он.

Я энергично киваю, чтобы он успокоился.

– Да, конечно. Мы, купидоны, совершенно точно должны быть одной из Главных сил.

– Итак, – говорит он, игнорируя мои слова, – мы получили очень тревожные донесения на твой счет.

Я невинно смотрю в ответ.

– О?

Босс достает розовую папку и начинает раскладывать передо мной бумаги в форме сердца.

---

¹ Jerkahf – созвучно jerk af – Невероятный Козлина.

– В этом говорится, что ты не смогла разбудить страсть и желание у более чем пяти тысяч подходящих кандидатур. Здесь – что не создала ни одной прочной любовной связи с момента назначения в мир фейри. Здесь – что использовала Стрелы Любви несколько раз подряд на одном и том же мужчине, превысив лимит в три Стрелы Любви на... – он пролистывает отчет, – на тридцать две стрелы. – Купидон приходит в бешенство. – Это значит, что ты поразила его тридцатью пятью стрелами подряд.

Я бросаю на него робкий взгляд.

– Упс.

Похоже, Семе не нравится мой ответ.

– Но, – вклинивается ангел, – что еще хуже, ты использовала Завесу в собственных целях.

Я съеживаюсь под их взглядами.

Использование Завесы в личных целях звучит ужасно.

– Мм...

– Каким-то образом тебе удалось извратить свое существование в Завесе, и ты скакала из нее и обратно раз за разом, – говорит начальник. – Что не только противоречит законам Главных сил, но и может привести к очень серьезным последствиям, некоторые из которых мы даже сами не понимаем, – продолжает он, собирая бумаги.

Благодаря занимаемой должности он материален, в отличие от меня, скромного купидона в пятом ряду. Но даже несмотря на это, ему трудно сложить бумаги в форме сердец так, чтобы они лежали красивой стопкой. Еще одно доказательство, что любовь – штука сложная.

Я смотрю на Глав. У меня складывается впечатление, что легко отделаться у меня не получится. Я нервно прочищаю горло.

– Что... что вы хотите этим сказать?

Сема разглаживает бумаги и лишь после этого снова поднимает на меня глаза.

– Я говорю, что нам придется вас списать.

На моем лице возникает тревога.

– «Списать» звучит очень похоже на «уволить».

– Ты нарушила законы Завесы, – сурово произносит ангел. – К тому же ты функционируешь неправильно.

Мои крылья топорщатся за спиной.

– Все со мной в порядке, – защищаюсь я.

Он пристально смотрит на мои разномастные перья.

Я прослеживаю его взгляд до черно-белых перьев на моих красных крыльях.

– О. Это. Это просто...

– Нельзя солгать ангелу, голубка, – со смехом вклинивается демон.

Я торопливо захлопываю рот.

– Ладно, может быть, я функционирую немного не так.

Начальник качает головой и кажется глубоко разочарованным.

– Ты не только доказала свою несостоятельность как купидона, но и каким-то образом нарушила магию Завесы настолько, что в тебя теперь вливаются другие силы.

Я удивленно на него смотрю.

– Прошу прощения?

Ангел указывает на мои крылья.

– У тебя появились белые и черные перья. Это черты ангела и демона.

Демон фыркает и скрещивает руки на груди.

– Да, и то, что она высосала чужую душу, тоже черта демона.

А. Так вот что я сделала с тем фейри, вытянув его суть голыми руками? Вот блин. Когда Ронак узнает, что я частично демон, он никогда не позволит мне спокойно с этим жить.

Я нервно улыбаюсь ему.

– Упс.

– Опять «упс»? Seriously? – тянет демон.

– Я же не намеренно высосала чью-то душу. Просто так получилось.

Демон закатывает глаза.

– Гребаные купидоны.

– Я не специально, – повторяю я, вспоминая, как лишила жизни солдата-фейри, который напал на нас в норе генфинов.

– Так или иначе, – вмешивается ангел, – в тебя продолжат вливаться прочие силы, а ты продолжишь нарушать законы Завесы, чем извратишь свое собственное существование.

– Я ничего не извращаю, – защищаюсь я.

– Ты сбиваешь Завесу с толку возможностью входить в нее и выходить по собственному желанию. Это могут делать только Главные силы. Мы не можем позволить тебе продолжать использовать привилегии Главных.

– Скорее всего, не только Главных, – добавляет Джеркаф.

Я хмурюсь.

– О чем вы? Я никогда не видела в Завесе никого, кроме нас и призраков.

Отвечает Сема.

– Есть, конечно, еще и Малые силы.

– Малые?

Он нетерпеливо смотрит на меня.

– Да, Малые силы Завесы. Демон прав. Ты вполне можешь перенять и их способности.

– Например?..

Он пыхтит.

– Например... силы Песочника.

– Песочника? То есть что только мужчины получают эту должность? Немного отдает сексизмом, – замечаю я. – И я бы точно смогла усыплять людей и дарить им потрясающие сны. Эротические сны, – это я говорю уже демону, потому что мне кажется, что он-то меня поймет. – Все любят эротические сны.

– Ну, есть же Госпожа Удача. Мужчины на эту роль не подходят. Это ты тоже назовешь сексизмом? – сухо спрашивает Джеркаф.

– Ну, да. Уверена, Раз великолепно справился бы с распределением удачи, откажись он от роли ангела.

– Меня зовут Разиэль, – хмурится ангел. – Не Раз.

– Еще есть карма, – продолжает демон, игнорируя его. – Берут только женщин. – Он склоняет голову. – Хотя карма – перевертыш. Из псовых, – уточняет он.

Я смотрю на него с удивлением.

– Подождите. То есть карма – *буквально* сука?

Джеркаф ухмыляется.

– Ага.

Я обвожу окружающее пространство рукой.

– Так все эти Малые... вы хотите сказать, что я могу получить не только ваши, но и их силы?

– Да, именно это мы и говорим, – отвечает Разиэль. – Ты теперь не просто купидон. Ты стала чем-то совершенно иным. Вообще-то я бы сказал, что твои глаза подозрительно похожи на глаза Госпожи Удачи.

Сема серьезно кивает.

– Именно в этом и проблема. Ты переступила черту, которую никогда не следует переступать. Ты совершила чудовищные преступления против Завесы, и ты не справились со своими обязанностями. Как твой начальник, я не могу позволить, чтобы эти преступления остались

беснаказанными. – Он складывает руки перед собой. – Итак, купидон номер тысяча пятьдесят, я приговариваю вас к увольнению.

Черт.

Глава 3

Я мгновенно вскакиваю, словно включается инстинкт «бей или лети». Глупо, конечно. И то, и другое у меня получается плохо.

Я выставляю вперед руки.

– Давайте не будем спешить. Да, я, может, отвратительный сотрудник, но, если посмотреть правде в глаза, работенка купидона не так прекрасна, как ее описывают, и не только я так считаю. Можем спросить любого купидона в зале ожидания, – говорю я, указывая на дверь. – Да, я облажалась. Отвратительно выполняю свои обязанности, понятно. Но я не нарушала никаких законов намеренно. Меня насильно выбили в физическое измерение. Воспользовалась ли я этим? Да, – соглашаюсь я. – Теперь у меня есть тело. Жизнь. Любовь. Неужели вы хотите отнять это у меня? Я только что впервые в жизни занялась сексом. Я бы хотела заниматься им еще. Мои ребята так хороши в постели, – признаюсь я. – Им хвосты нужны не только для баланса, если вы понимаете, о чем я, – играю я бровями.

Стоит мне упомянуть о любви, стае и сексе, зрачки Семы расширяются. Купидоны просто не могут удержаться от такого.

– Сема, не увольняйте меня. Мы можем что-нибудь придумать. Я могу работать неполный день. Или даже перейти на частичную занятость? Таким образом я смогу выполнять свою работу, но у меня останется время на личную жизнь, да? – Мои слова явно его не переубеждают, поэтому я поднимаю правую руку, чтобы принести клятву. – Торжественно клянусь луком купидона, что буду выполнять свою работу. Отхлестаю прорву людей Прикосновением Флирта и выдую в их лица ураган Дыхания Страсти. Удостоверюсь, что Стрелы Любви попадают в цель. Только... пожалуйста, не увольняйте меня. Пожалуйста.

Сема качает головой, и мой желудок ухает вниз до самых пальцев ног.

– Я не могу допустить, чтобы это осталось безнаказанным. Мне жаль.

Его слова эхом отдаются в моей голове, и вдруг течение времени ускоряется.

Купидон щелкает пальцами, и на столе появляется кнопка увольнения. Она большая, круглая и красная, на ней жирными буквами написано слово «УВОЛИТЬ». Его рука движется по инерции, и, клянусь, жизнь проносится у меня перед глазами.

Этого не может происходить на самом деле.

Я не исчезну.

Я вижу, как его пальцы оказываются над кнопкой, и в мгновение ока я возвращаюсь в физическое измерение и бросаюсь на начальника через стол.

Я налетаю на него, мы оба удивленно вскрикиваем, потому что я валю его на пол. Мы начинаем неловко бороться, каждый из нас пытается завладеть кнопкой, но главный купидон дерется так же ужасно, как и я. Пытаясь одержать верх, мы неуклюже возмемся и даже случайно ласкаем друг друга. Каким-то чудом мне удастся прижать его к полу.

Ангел и демон стоят над нами, одинаково хмурясь.

Я смотрю вверх, розовые волосы падают на лицо, грудь вздымается, одна рука прижата к носу Семы, а другая почти прижата к его паху. Фу.

Во время нашей неудачной драки кнопка увольнения упала рядом с нами на пол. Мы замечаем ее одновременно. Наши взгляды пересекаются, и мы бросаемся за ней.

Руки взмывают над ней одновременно, жмут, а затем...

Пуф!

Меня окутывает розовый дым.

О, черт. О, черт, о, черт, о, черт!

– Я исчезла, – пишу я, меня охватывает ужас и отчаяние. – Я хотела жить! – кричу я на дымку цвета розовой жвачки, которая стала моим миром. – Я хотела больше времени провести

со своей стаей. И больше заниматься с ними сексом. И съесть, например, коробку шоколадных конфет. – По моим щекам льются слезы. – Это несправедливо, – причитаю я, обхватывая руками ноги и опускаю голову на колени. – Я собиралась попробовать анальный секс, может быть, сделать татуировку, и я бы даже занималась спортом, если бы Ронак захотел. Возможно. Вероятно. По крайней мере, минут пять, – кричу я со слезами в бесконечную вселенную небытия.

– Она сказала «анальный секс»?

Я вскрикиваю и вскакиваю, чуть ли не выпрыгивая из собственной кожи. Розовый дым рассеялся, и я с удивлением смотрю сквозь мокрые ресницы на Джеркафа и Разиэля, которые глядят на меня сверху вниз. Разиэль хмурится, но на лице Джеркафа – ужасающая ухмылка.

Я, спотыкаясь, встаю на ноги и дико оглядываю офис.

– О, боги. Я не исчезла! – скачу я возбужденно.

– Ты нет, а вот твой начальник – да, – говорит Разиэль, все еще хмурясь.

Я прослеживаю его взгляд и вижу странные розовые очертания на полу, там, где несколько секунд назад распростерся Сема.

Я смотрю с удивлением на пол, пока произошедшее не складывается в голове. Должно быть, я нажала на кнопку увольнения первой.

– Ну, значит, мне повезло.

Сегодня удача на стороне дам, сучки.

– Ты только что уволила Главу Купидонства, – сухо замечает Разиэль.

Я кривлюсь.

– Упс.

Демон хмурит брови.

– Ты часто так говоришь.

Я подбираю с пола кнопку увольнения и осторожно кладу ее на стол. Сделав это, я замечаю, что символ в виде сердца и стрелы, которым был отмечен Сема, теперь находится на внутренней стороне моего запястья, прямо под номером. С недоумением смотрю на него и понимаю, что чувствую себя... странно. Как будто только что получила порцию купидоньего адреналина или чего-то в этом роде.

Я слышу, как Разиэль подчеркнуто вздыхает.

– Отлично. Не могу поверить, что эта бестолочь теперь главная.

Я перевожу на него взгляд. Пока что я проигнорирую его слова насчет бестолочи, но...

– Ты хочешь сказать, что я начальница всех купидоньих начальников?

– Похоже на то, – подтверждает он, бросая недовольный взгляд на метку на моем запястье.

Мне не по себе из-за того, что я случайно заставила Сему исчезнуть, но... святые пирожные в форме сердечка, я испытываю такое *облегчение*. Я не ожидала, что стану новой Главой Купидонства, но... насколько же это лучше увольнения. Я немного потрясаю кулаком, просто потому что не могу иначе.

– Да! Я теперь босс, сучки!

Ангел и демон смотрят на меня с одинаковым выражением «О, твою же мать».

– И что нам теперь делать? – спрашивает Джеркаф у ангела.

– Черт его знает, – отвечает Разиэль.

Разве ангелам позволено так говорить? Не уверена, но, похоже, сейчас не лучшее время, чтобы спрашивать.

– Полагаю, это решает проблему с Завесой, – говорит Разиэль.

– О чем вы? – спрашиваю я.

Он пожимает плечами.

– Главным силам Завесы, занимающим руководящие посты, разрешено входить и выходить из нее по своему усмотрению. Теперь у тебя с Завесой все должно быть в порядке.

– О, значит, я больше не буду извращать ее! Хорошо. Похоже, все наши проблемы решены, – говорю я, хлопая в ладоши.

– Ради адского огня. Ее крылья изменились, – замечает Джеркаф.

Я оглядываюсь через плечо и понимаю, что он прав. Вместо беспорядочных вкраплений черно-белых перьев теперь все мои красные перья по низу крыльев очерчены черно-белой каймой. Губы сами по себе растягиваются в улыбке.

– О, да ладно, вы должны признать, выглядит круто.

Разиэль только качает головой, но Джеркаф склоняет свою набок и говорит:

– Ладно, ты права. – Разиэль с досадой смотрит на него, но Джеркаф только пожимает плечами. – Что? Выглядит правда круто.

Разиэль скрежещет идеальными зубами.

– Так или иначе, похоже, что ее неисправность... укрепилась. Какими бы силами она сейчас ни обладала, они, вероятно, обрели постоянность.

Краем глаза я замечаю свечение и перевожу взгляд вниз – моя новая татуировка начальницы купидонов сияет неоновом-розовым светом.

– Оу. Она вся такая красивая и светящаяся.

Джеркаф фыркает.

– В роли Главы Купидонства ты будешь хороша.

Я прищуриваюсь.

– Не будь пессимистом.

– Можешь погасить ее? – раздраженно спрашивает Разиэль.

Я потираю метку, словно волшебным образом могу стереть свечение. Когда это не помогает, я трясую рукой, потому что по какой-то причине мне кажется, что именно так и нужно поступить в подобной ситуации, но свет татуировки становится ярче и горит как лайтстик².

Я замираю на несколько мгновений, и розовый свет медленно исчезает. Я удовлетворенно ухмыляюсь и жестом показываю на стулья. Я уже полностью разобралась, как быть боссом.

– Мальчики, присаживайтесь, – велю я. Они удивляют меня, на самом деле садясь. Я стараюсь не выглядеть самодовольно, но... да, немного самодовольства проскальзывает. Это как Страсть. Иногда ее трудно сдерживать.

Я улучаю момент, чтобы изучить ангела и демона. Поскольку мне больше не угрожает опасность исчезновения, я могу немного расслабиться. Теперь я на сто процентов крылатая гордычка. Признаю. Мне всегда нравились крылья купидонов, а теперь я обожаю крылья еще больше, потому что у моих появилась окантовка ангела и демона, но даже я должна признать, что крылья ангела по соседству прекрасны.

– У тебя красивые крылья, – говорю я ему совершенно серьезно. – Они будто сияют. Они и правда сияют?

Он приосанивается.

– Да. Они сияют небесным светом.

– Вау, потрясающе. Действительно. Купидоны и ангелы *точно* впереди по части крыльев. – Я заговорщицки наклоняюсь. – По крайней мере, нам не достались крылья демонов, правда? – шепчу я ему и слегка подталкиваю локтем.

– Я все слышал, – говорит демон за моей спиной.

Я поворачиваюсь и невинно улыбаюсь ему.

– Хм? Слышал что?

---

² Лайтстик – концертный световой аксессуар, которым фанаты на концертах машут в такт музыке.

– Нужно ли мне указывать на то, что у твоих крыльев теперь есть демонические черты? – спрашивает он, пристально глядя на черные перья.

Я прикрываю черные перья.

– Но крылья все еще купидоньи. Они просто... капельку демонические. Мои прекрасные красные перья очерчены демоническим акцентом, если вам так будет угодно. А еще они украшены ангельскими перьями, – замечаю я. И снова обращаюсь к Разиэлю: – О, может быть, мои тоже начнут блестеть!

– Зато мои – огнеупорные, – бубнит Джеркаф.

– Да, это здорово, – соглашаюсь я. – Но они... как у летучей мыши и с шипами. Еще и пахнут сгоревшими тухлыми яйцами.

Демон прищуривается.

– Это запах серы и дыма из адских котловин, – защищается он.

Я похлопываю его по плечу.

– Конечно, так и есть.

Джеркаф пожимает плечами.

– Может прекратим обсуждать наши чертовы крылья и продолжим?

Разиэль ухмыляется в ответ на ворчливость демона.

– Недотрога. Неужели все вы, демоны, такие с-с-ссыкуны?

Я качаю головой.

– Ты не можешь произнести слово «ссыкун»?

Разиэль коротко качает головой.

– Нет, не могу. Но это именно то, кем являются демоны.

Джеркаф выглядит так, словно вот-вот собирается броситься на ангела и сжечь его в адском пламени. Я выставляю между ними руки, чтобы этого не произошло. Любовь сейчас буквально стоит между жизнью и смертью. Я яснее понимаю, что значит быть Главной силой Завесы.

– Подождите. Джерки, прости. Подло было с моей стороны критиковать твои крылья, – умиряю его я. – Они очень... адские. Уверена, что там, откуда ты родом, твои крылья нравятся многим.

Демон лишь закатывает глаза, но их огненное сияние немного ослабевает.

– И, Разиэль, – говорю я, поворачиваясь к нему. – Будь вежлив. Ты ведь ангел. Ты должен подавать хороший пример.

Разиэль изумленно на меня смотрит.

– Ты ожидаешь, что я, ангел, буду добр к существу, которое *буквально* является воплощением зла? Самой противоположностью моего существования?

Я гляжу на него с удивлением.

– Да.

Он трет глаза. Уверена, я раздражаю их обоих, но благодаря этому они хотя бы не устроят битву добра со злом в моем кабинете, так что миссия выполнена. Я опускаю руки и складываю их перед собой.

– Так или иначе, поскольку я теперь начальница, я официально отменяю приказ о моем увольнении.

– Кто бы мог подумать, – цедит Джеркаф.

– Но что касается других моих способностей, эм, что мне с ними делать?

– Как насчет не использовать их и просто быть купидоном, как и положено? – невозмутимо спрашивает ангел.

– Да, но у меня так не получится, – признаю я. – По крайней мере, не на полную ставку, но я буду вставлять Стрелы Любви куда надо и дарить Страсть тогда, когда сочту это нужным. А еще я сведу высасывание душ к минимуму, – обещаю я Джеркафу.

– Нет, – говорит Разиэль, тыча в меня пальцем. – Никакого высасывания душ. Это не твоя работа.

– Иногда это случается, – настаиваю я.

– Нет, не случается.

– Ну, может случиться.

– Демон, – рычит Разиэль. – Сам с ней разбирайся.

Джеркаф с усмешкой качает головой, и изо рта у него вырывается облачко дыма.

– Я не верю, что каким-то образом можно забрать у нее силы Завесы, раз теперь она

Глава купидонов.

Разиэль переплетает пальцы и упирает их в скрещенные колени.

– Нет, я тоже не думаю, что есть способ повернуть все вспять, – признает он. У него такой тон, будто я украла его любимую ангельскую конфетку.

– Значит, я стану чем-то вроде начальницы купидонов-ангела-демона-песочника-госпожи удачи-кармы-и прочих сущностей Завесы?

– Похоже на то.

Я медленно киваю.

– Ну, не идеально, но думаю, я смогу с этим жить.

Джеркаф фыркает.

– Как благородно с твоей стороны.

– Ребята, вы можете провести для меня интенсив по ангело- и демонологии? Желательно коротко? Потому что я бы хотела вернуться домой. Я занимаюсь суперважными шпионскими делами. А еще – сексом с моими парами. К этому занятию я бы тоже хотела вернуться.

Разиэль бросает взгляд на демона.

– Она это серьезно?

Демон ковыряется в своих черных ногтях.

– Похоже на то.

– Что в этом такого? Просто расскажите мне, как контролировать высасывание душ, и про все остальное, что нужно знать о ваших способностях. Тогда я буду знать, чего ожидать. Мне просто нужна небольшая помощь, – говорю я им.

Как только слово «помощь» слетает с моих губ, передо мной в клубе розового дыма внезапно появляется купидон.

Глава 4

В течение нескольких секунд я пораженно смотрю на нее через стол, не произнося ни слова. Она, как и я, молода. Розовые волосы убраны назад в тугую, гладкий хвост. На ней застегнутая на все пуговицы блузка с высоким воротничком и рюшами, юбка длиной до колен и удобные черные мокасины. Красные крылья крепко прижаты к спине, сама она вежливо мне улыбается. Однако старомодный наряд несколько не умаляет ее красоты. Розоволосая, похожая на учительницу католической школы, она, пожалуй, влажная мечта любого парня. Честно говоря, я даже немного завидую размеру ее груди. Очень пышная. И округлая.

Я понимаю, что чересчур долго пялюсь на грудь купидона, поэтому быстро перевожу взгляд вверх. Теперь мне ясно, почему парни часто так делают. Некоторые груди прямо-таки требуют внимания. Если купидона и беспокоит мой интерес к ее дынькам, она этого не показывает.

– Эм... чем могу помочь? – наконец говорю я.

Она склоняет голову.

– Вы вызвали меня, мадам Купидон.

Мадам?

– Нет, не вызывала.

– Я полагаю, ты вызвала ее, когда заявила, что нуждаешься в помощи, – напоминает мне Разиэль.

– О. Эм. Кто ты? – спрашиваю я.

Она поднимает запястье, чтобы я могла ясно увидеть буквы LXIX.

– Я купидон номер шестьдесят девять.

– Разумеется, – бормочу я, в то время как сидящий рядом со мной демон хихикает, как четырнадцатилетний мальчишка.

– Хорошо, тогда я прошу прощения за то, что случайно вызвала тебя... Лекс, – обращаюсь я к ней на ходу выдуманным именем. Я совершенно не собираюсь называть ее «шестьдесят девять». Ни за что.

– Мне вернуться к моим обязанностям купидона?

– Да. Подожди, нет, – быстро передумываю я. – Твое тело частично материально. Значит ли это, что ты на высокой должности?

Она с энтузиазмом кивает.

– Я купидон месяца. Уже восемьсот тридцать три месяца подряд. Вот почему мне выпала честь быть вашей помощницей. Могу ли я узнать, что случилось с купидоном четыреста?

Я ерзаю на стуле.

– О, гм, Сема был неожиданно уволен.

Джеркаф фыркает, и я бросаю на него злой взгляд.

– В таком случае, рада служить вам, мадам Купидон.

– Можешь называть меня Эмили.

Она кивает.

– Как пожелаете.

– Я даже не знала, что бывают «Купидоны месяца», – признаюсь я.

– Неудивительно, – бормочет сидящий рядом Разиэль.

Не подумав, я пинаю его под столом, и он вздрагивает, потому что попадаю я точно в лодыжку. Разве мне можно пинать ангелов? Я смотрю на потолок, ожидая, что на мою голову обрушится гнев небес. И прошу прощения у ангела.

– Извини. Нога соскользнула.

Он выгибает бровь.

– Ангелы распознают ложь.

– О.

Неловко.

Я возвращаюсь к купидону.

– Итак. Лекс. Как ты заработала этот престижный титул?

– Каждый день передо мной стоит четкая цель купидона, которую я стараюсь достичь. Например, я удостоверяюсь, что каждый день благодаря мне образуется не менее пяти Любовных Связей и не менее двадцати сексуальных взаимодействий. Также я слежу за тем, чтобы Прикосновение Флирта досталось по меньшей мере ста разным людям.

Я распахиваю от удивления рот. Я никогда не встречала купидона, которому бы нравилась наша работенка, не говоря уже о постановке целей на день и всем прочем.

– Боже правый, ты делаешь все это каждый день?

Девушка с энтузиазмом кивает.

– Я люблю распространять любовь, – говорит она, сияя. Крылья топорщатся за спиной, как будто от нашего разговора ее переполняет энергия. – У нас, купидонов, лучшая работа по сравнению со всеми существами Завесы. Разве вам не нравится видеть, как с вашей помощью кто-то влюбляется? – мечтательно спрашивает она.

Ух ты. Да у этой девушки запущенный случай гиперактивного купидонства.

– Мм, конечно.

Купидон принимается поглаживать Стрелы Любви, которые торчат из-за ее плеча, и смотрит куда-то в пространство, словно ей не терпится вернуться к своим купидонным делам, поэтому я щелкаю пальцами.

– Сосредоточься, Лекс.

– Простите. Я думала о том, сколько возможных Любовных Связей получится организовать по возвращении.

Вау. Помимо того, что у этой девушки суперская грудь, она еще и передовик производства. Не знаю, впечатлится мне или испугаться. Я смотрю вниз и свожу руки вместе, пытаюсь понять, получится ли сделать мою грудь такой же пышной.

– Полагаю, ты много знаешь о купидонах и Завесе?

Удовлетворенная своей грудью, я опускаю руки с полным достоинства кивком.

Купидон с энтузиазмом кивает.

– О да. Помимо того, что я Купидон Месяца более восьмисот месяцев подряд, я также выступала послом Завесы от... как вы его назвали, Семы, всякий раз, когда нужно было встретиться с представителями Меньших сил Завесы. Еще я скрупулезно изучила полномочия купидонов, наши обязанности и роль в Завесе.

– Отлично, – отвечаю я с улыбкой. – Поговорим гипотетически, хорошо?

Девушка переводит взгляд на ангела и демона, прежде чем снова посмотреть мне в глаза.

– Хорошо.

– Так вот, гипотетически, предположим, что купидон может входить и выходить из Завесы по своему желанию. И допустим, что она *случайно* передала некоторые черты купидонов своим парам.

– *Что* ты сделала? – рычит Разиэль. Я его игнорирую.

– Передала черты? – переспрашивает Лекс.

– Ага. Скажем... крылья купидона и номер купидона. Гипотетически, почему бы это могло произойти?

Купидон с мгновение раздумывает.

– Хм. Я не могу ответить на этот вопрос, так как никогда не читала о подобном. Насколько мне известно, купидоны ни с кем никогда не образовывали пару. У нас нет на это времени, к тому же нам и так очень повезло – мы можем дарить любовь другим. Замечательная работа!

Я смеюсь над шуткой, но потом понимаю, что девушка говорит всерьез. Я маскирую смех кашлем. Придется привыкнуть к ее предприимчивому подходу.

Я поворачиваюсь к ангелу и демону.

– Ладно. Итак. На чем мы остановились?

Джеркаф скрещивает руки на груди и откидывается в кресле, чтобы одарить меня насмешливым взглядом.

– Ты ожидала, что мы выдадим тебе краткую версию того, что значит быть двумя самыми могущественными и влиятельными сущностями с начала времен, – растягивает слова Джеркаф.

– Да, именно. Давайте, не томите.

Демон и ангел долго смотрят друг на друга... а затем стремительно исчезают в клубах черного дыма и белого света.

– Блин! – восклицаю я, хлопнув рукой по столу. Главные силы Завесы. Больше похожи на занозы в заднице.

Я рассеянно провожу пальцем по своей новой метке начальницы купидонов, обдумывая следующий шаг.

– Лекс, ты можешь найти информацию обо всех сущностях Завесы? Главных и Малых? Думаю, придется самой разбираться в возможно приобретенных способностях.

– Конечно, мадам Купидон, – заверяет она меня.

– Лекс, зови меня просто Эмили.

– Конечно, мадам Купидон Эмили.

– Нет, я не...

Я не успеваю договорить, потому что в кабинет вливаются еще два купидона, останавливаются и смотрят на меня через стол, на их лицах смесь шока и ярости.

Один из них – старый руководитель, который, как я помню, наказал меня за то, что я раздавала Страсть, только если кто-то произносил слово «инсульт» в полночь. Улавливаете? Ударило – инсультом – в полночь? Да. Мне было скучно. В общем, он наказал меня сотней дополнительных Любовных Связей. Он не очень мне нравится.

Второй купидон – морщинистая старуха с бигуди в волосах. Бедняжка, наверное, так и умерла. Я смотрю вниз и вижу, что она в тапочках и домашнем халате на молнии. Неудивительно, что она кажется такой ворчливой. Вероятно, смерть помешала спать.

– Где купидон четыреста? – требовательно спрашивает она.

Я не могу показать им и каплю слабости, иначе они меня уничтожат. Я сажусь прямее и смотрю ей в глаза.

– Он был уволен.

Они оба бледнеют.

– Невозможно. Глава Купидонства не может быть уволен, – оспаривает она мои слова, качая головой.

Я наклоняюсь вперед и забираю кнопку увольнения.

– Не знаю, мне кажется, это вполне возможно.

Старуха делает несколько шагов назад по воздуху, и оба купидона обращают внимание на метку Главы на моем запястье. Они обмениваются тревожными взглядами.

– Так это значит...

Откинувшись назад с ухмылкой, я закидываю ноги на стол и закладываю руки за голову для большей драматичности.

– Это значит, что я ваша новая начальница, и я кое-что здесь поменяю.

Купидоны смотрят на меня с ужасом.

Я лучезарно улыбаюсь. Будет весело.

Глава 5

– Ты хочешь сделать *что*?

Старуха-купидон, которую я любовно окрестила Бигуди, не может моргнуть последние минут десять. Вот насколько сильно выпучила она глаза. Видимо, ей очень не нравится новое направление, которое я выбрала для купидонства.

Сема считал, что я совершила преступления против купидонства, но я не согласна с этим. Я думаю, что это как раз таки Глава Купидонства совершил преступления против бедных смиренных купидонов. И я намерена это исправить.

Мы сидим здесь уже несколько часов. Я просматриваю старые записи начальника купидонов, изучаю статистику и требования к сотрудникам... а также делаю все возможное, чтобы запомнить информацию, которую Лекс смогла найти о других сущностях Завесы.

Купидон-руководитель, номер девятнадцать, наконец-то перестал спорить со мной и теперь просто нависает над креслом, постукивая пальцем по лбу. Он тихо напевает под нос любовные песни девяностых, когда я придумываю какое-нибудь новое правило или отменяю старое. Что ж, я тоже поклонница техник преодоления стресса.

– Купидонам нужна система премий, – объясняю я Бигуди. – Держу пари, у ангелов и демонов она есть, и потрясающая.

Лекс стоит справа от меня, старательно делая заметки. Она поднимает глаза и постукивает по одной из прилежно штудированных книг.

– Демоны устраивают вечеринки одержимости дважды в год. В человеческом мире это происходит на Хэллоуин и в Налоговый день³.

– Увидели? – самодовольно указываю я Бигуди. – Даже в Аду для работников есть система премий.

Бигуди фыркает с явной неприязнью.

– Купидонам не нужна система премий. Мы распространяем любовь и желание. Этого достаточно.

Лекс кивает в знак согласия, пока я не бросаю на нее предостерегающий взгляд. Она сразу же вскидывает голову.

– А что у ангелов? – спрашиваю я Лекс.

– Ну... у них сами небеса.

О. Точно.

– Ладно, с этого момента для купидонов будет устраиваться ежегодная вечеринка. Может быть, на следующий день после Дня святого Валентина. Мы соберем всех в Купидонвилле и устроим фестиваль. И еще – у всех будут осязаемые тела.

Бигуди сильнее вылупляет глаза.

– Вы не сделаете этого! Нельзя этого делать!

Лекс открывает огромную красную книгу с розовыми страницами и указывает на строчку.

– Вообще-то здесь говорится, что Глава Купидонства обладает способностью управлять телесностью любого купидона. Так что технически может.

Я сладко улыбаюсь.

– Физические тела у всех на двадцать четыре часа. Мы наградим лучших сотрудников, устроим игры, приготовим еду и вино и, конечно же, разрешим добровольные сексуальные утехы.

---

³ В Соединенных Штатах Налоговый день – это день, когда федеральному правительству должна быть представлена налоговая декларация по индивидуальному подоходному налогу.

Я наблюдаю за тем, как мои слова волшебным образом записываются в книгу законов Купидонства розовыми чернилами с блеском. Потрясающе.

– И это не считая обязательного отпуска.

– Отпуска? – визгливо повторяет Бигуди. Она смотрит на Девятнадцатого, но тот напевает «*I Want It That Way*»⁴ и полностью нас игнорирует.

– Да. У каждого купидона будет ежегодный двухнедельный отпуск. Они смогут отправиться в любой мир по выбору и обретут на это время телесность, чтобы делать... все, что захотят. Когда отпуск закончится, мы вернем их обратно в назначенный мир, и я гарантирую – купидоны будут работать эффективнее. И знаете, почему? – спрашиваю я, наклоняясь вперед.

Бигуди скрипит вставными зубами.

– Почему?

– Потому что, – говорю я со вздохом, – если бы я не была так одинока и полна зависти, из меня получился купидон получше, – честно объясняю я. – Счастливые купидоны распространяют лучшую любовь. Поверьте мне. Я – Глава купидонов.

Мне кажется, она представляет, как тянется через стол и душит меня.

– О, и больше никаких увольнений бедных купидонов, если только они не делают что-то действительно ужасное. Оставьте их в покое. Им одиноко. – Я щелкаю пальцами. – Вспомнила. Хочу, чтобы у купидонов были партнеры.

– Партнеры, – бесцветно повторяет старуха.

– Да. Купидоны больше не будут работать индивидуально. Так мы справимся с их одиночеством и привнесем в их жизнь чувство товарищества. Еще организуем дружеское соревнование: кто сможет организовать большее количество Любовных связей. Нашему делу это пойдет на пользу, обещаю.

Бигуди качает головой.

– В мое время купидоны выполняли свои обязанности, и не было никаких разговоров об этом одиночестве.

– Что ж, сейчас самое время немного встряхнуться. Давайте сделаем жизнь купидонов хотя бы немного приятней. Никому не нравится торчать невидимым в Завесе в полном одиночестве годами, чтобы в конечном итоге сойти с ума и быть уволенным.

Я встаю, и Лекс тут же вскакивает рядом со мной.

– Мне правда нужно вернуться в мир фейри. Я должна проследить за королевской семьей и заняться сексом со своими парами. – Я поворачиваюсь к Лекс: – Справишься с введением всех изменений?

– Конечно, – уверенно говорит она. – Я обо всем позабочусь.

Иметь помощницу очень удобно.

– Бигуди и Девятнадцать помогут тебе, – я смотрю на ворчливых купидонов. – Если, конечно, вы не хотите, чтобы я понизила вас двоих в должности и нашла кого-то другого?..

Бигуди быстро качает головой, и даже Девятнадцатый прерывает пение словом «Нет».

– Хорошо. Я проверю. О, чуть не забыла.

Я подхожу к своему столу и нажимаю на еще одну волшебную кнопку. Набираю номер семьсот двадцать и смотрю, как в розовом дыме передо мной возникает знакомый купидон.

Он удивленно оглядывается по сторонам.

– Что, черт возьми, такое? Я не сделал ничего плохого.

Я улыбаюсь ему. У него загорелое, симпатичное лицо и взъерошенные розовые волосы.

– Мы снова встретились, «семьсот двадцать».

Он перестает озиаться по сторонам и переводит на меня взгляд. Я вижу, как на его лице мелькает узнавание, и темные брови удивленно поднимаются.

---

⁴ «I Want It That Way» («Я сам выбрал путь») – песня американской музыкальной группы Backstreet Boys.

– Ну, я, блин, насади меня на член. Тысяча пятьдесят, это ты?
Я сияю.

– Именно я. Но можешь звать меня Стерва Начальница Эмили, потому что теперь я веду это шоу страсти.

Глаза купидона расширяются.

– Да ты мне чешешь!

– Не-а, – говорю я, перекатываясь на пятки и чувствуя головокружение. – Это абсолютная правда. И я тут кое-что меняю.

Я щелкаю пальцами, и его тело мгновенно становится плотным. Ага. Лекс показала мне этот маленький трюк. Круто быть Главой купидонов.

Он смотрит на свое теперь осязаемое тело и присвистывает.

– Ну, думаю, ты все-таки не просто так сотрясаешь воздух. Что за чертовщина?

Купидон дотягивается до паха и задерживает на нем руки, словно хочет убедиться, что член на месте. Заметив, что Лекс смотрит на него, купидон подмигивает девушке.

– Хочешь быть первой, кто его увидит, милая?

Лекс краснеет и придвигается ко мне.

– Не флиртуй с моей ассистенткой, Сев. Сможешь пустить его в дело только *после* того, как сможешь провести здесь необходимые изменения, понял?

Он хмурится и опускает руку.

– О чем ты, черт возьми, говоришь?

– Я назначаю тебя первым руководителем. Лекс поможет тебе освоиться. Я поверяю тебе проследить за тем, чтобы остальные купидоны следовали моим новым законам. Сможешь это сделать?

Купидон коварно ухмыляется.

– Милая, ты только что вернула мне член. Я сделаю все, что ты захочешь.

А говорят, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок. Не-а. Через член.

Глава 6

Лекс подробно объясняет мне, как путешествовать по Завесе, Купидвиллю и остальным мирам. Будучи Главой купидонов, это довольно просто. Итак, я четко представляю царство фейри и выдергиваю себя из Купидвилля. Я знаю, что Сев и Лекс внедрят все нужные изменения в Купидвилле, пока я отсутствую. Меня не было уже несколько часов, и мне не терпится вернуться к поискам Окота и принцессы.

Ощущения при движении сквозь Завесу в мир фейри немного странные, но мне удастся не заблывать себе ноги, так что это уже кое-что.

В итоге я приземляюсь в охотничьем сарае в землях Ронака, там, где я оставила генфинов. Еще темно, и я с любопытством оглядываюсь вокруг. После тщательного осмотра становится понятно, что их здесь нет. Я остаюсь невидимой и лечу к нашей норе, чтобы проверить, на всякий случай, вдруг ребята вернулись туда.

Всего несколько часов назад мы бились здесь за наши жизни с напавшими на нас из засады солдатами принцессы Суры.

Я лечу через гостиную и хмурюсь. От схватки не осталось и следа. Картины снова висят на стенах, исчезли пятна крови, а на полу новый ковер.

Я возвращаюсь в видимый мир и обхожу помещение, чувствуя, что что-то не так. Я захожу на кухню, осматриваю шкафы и хмурюсь сильнее. Еды нет. Вообще никакой.

Для обычного человека, возможно, это не такой уж и тревожный сигнал. Но у моих ребят было полно еды. Не только потому, что они сами едят как кони, но и потому, что я тоже ем как лошадь. Всего несколько часов назад шкафы были забиты до отказа.

Я смотрю на пустые полки, пытаюсь осмыслить увиденное. Обхожу дом еще раз и наконец понимаю, что еще меня беспокоит. В воздухе плавают частички пыли. Воздух в доме стал затхлым, а ведь только вчера он был свеж.

– О, черт.

Желудок сводит от ужаса, и не успеваю я опомниться, как становлюсь невидимой, пролетаю сквозь стены и вылетаю из норы. Я мчусь через деревню генфинов и останавливаюсь, увидев одинокого генфина, который идет по улице. Становлюсь видимой и приземляюсь перед ним. Я чуть не перепугала беднягу до самого хвоста, и он замахивается на меня когтями, но, к счастью, я уворачиваюсь.

– Извините! – тотчас говорю я, поднимая руки вверх. Мне стоило подумать, прежде чем пугать хищника, но вот как я веду себя, запаниковав. – Я просто хотела узнать, какой сегодня день.

Он смотрит на меня с удивлением, рука с когтями все еще в замахе, но он наконец опускает ее и скрещивает руки на груди.

– Кто ты, черт возьми, такая?

– Я Эмили, – нетерпеливо говорю я. – Я...

Генфин замечает то, как я выгляжу, и его глаза расширяются.

– Ты – купидон.

Я смотрю на него с удивлением. Понятия не имею, откуда он знает.

– Мм, да. Слушайте, я просто хочу знать, какой сегодня день.

Проходит несколько секунд, и он наконец перестает удивленно на меня глазеть и отвечает:

– Сегодня день летнего солнцестояния.

– Что? – Я чувствую, как кровь отливает от лица, и машинально качаю головой. Я даже не осознаю, что, словно сумасшедшая, схватила генфина за руки, пока он не сбрасывает их. –

Нет. Этого не может быть, – возражаю я. – До дня летнего солнцестояния оставалось... около четырех недель! – почти визжу я.

– Лучше бы тебе убраться отсюда, – говорит генфин, не утруждая себя заботой о моем потерянном времени. – Купидону небезопасно находиться на открытом пространстве. Даже здесь. У принца везде есть глаза, и я не хочу, чтобы меня с тобой видели.

Я даже не успеваю осознать смысл этих странных зловещих слов, как он уходит. Я все еще качаю головой и бранюсь посреди мощеной улицы. Я причитаю как сумасшедшая, но меня слышат только закрытые двери и пустые магазины.

Меня не было всего несколько часов. Как могли пройти целые *недели*?

– Ладно, Эмили, – говорю я себе, кружась по пустой улице. – Думай, думай, думай.

Слова Ронака эхом отдаются в моей голове. Три дня. Он дал мне три дня на слежку за королевскими особами и выяснение, что, черт возьми, происходит. Если бы я не вернулась к тому времени, мои генфины собирались сами отправиться во дворец. Что было бы плохим вариантом. Очень, очень плохим. Я до сих пор не знаю, на самом ли деле предала нас принцесса Сура. И если принц найдет их...

Нет. Нет. Нельзя думать об этом.

Когда я слышу звук открывающейся двери и громкий смех, я снова инстинктивно становлюсь невидимкой. Из паба выходит группа генфинов и, покачиваясь и спотыкаясь, направляется домой.

Если меня не было несколько недель, то парни наверняка сходят с ума от тревоги. И они наверняка уже отправились меня искать. Вопрос в том, где *мне* их искать? Проклятый Купидвилль и его дурацкие разрывы и искажение времени!

Зная Ронака, могу предположить, что он бы мгновенно направился напрямиком во дворец. Но, может быть, Силред, более здравомыслящий, придумал бы другой способ найти меня, не такой губительный?

Я раздумываю одну пятую секунды и сразу же отбрасываю эту мысль. Генфины – сумасшедшие. А когда дело касается меня, даже самый спокойный из них спятит. Клянусь, если их поймали и убили... Не-а. Не думай об этом.

Сначала мне нужно отправиться на поиски во дворец, поэтому я взмываю в небо и невидимкой лечу на всех парах. Когда я добираюсь до острова королевства, солнце уже взошло и я купаюсь в пурпурных лучах рассвета.

По мере приближения становится очевидным одно – что-то пошло не по плану.

Глава 7

Повсюду солдаты. Прочесывают воздух и землю, они настороже. Похоже, они готовы к войне. Трепет наполняет меня, и желание поторопиться берет верх. Не обращая внимания на магический барьер вокруг дворцовых стен, я пролетаю во дворец.

Если принцесса Сура действительно предала меня и ребят, то я хочу знать, почему. Я направляюсь напрямик в ее покои, но там пусто, а когда я осматриваю остальную часть замка, то понимаю, что в нем необычно тихо. Мне на глаза попадает только пара слуг. Ничего похожего на обычную дворцовую суету. Ни одна из ламп на стенах не зажжена, только пред-рассветный свет пробивается сквозь окна. Обычно в этот час слуги как никогда заняты подготовкой к наступающему дню. Но сейчас здесь непривычно пусто.

Я поворачиваюсь и лечу в сторону тюремной башни. Если мои ребята здесь, то велика вероятность, что они в камере. Если кто-то причинил им вред, я использую свои новые гибридные способности, чтобы обрушить на их головы ад.

Я пролетаю сквозь стены и попадаю прямо внутрь зловещей тюремной башни. Она огромная. Не знаю, дело в магии или нет, но я все равно не ожидала увидеть тройные винтовые лестницы и девять этажей. Мне понадобится время, чтобы обыскать ее целиком, но я начинаю с самого низа и планомерно прохожу по камерам.

Тюрьма именно такая, как ей и положено быть. Темная, мрачная и унылая. Я обыскиваю камеры и вижу в каждой из них измученных фейри. Похоже, принц хорошо постарался. Тюрьма заполнена до отказа. В некоторых камерах содержится даже по два-три заключенных, и то, в каких убогих условиях они находятся, разбивает мне сердце. *Где, черт возьми, мои ребята?*

Обыскав нижние уровни, я поднимаюсь выше. Я обыскала уже почти все уровни, но моих ребят по-прежнему не видно. Разочарованная, я уже собираюсь возвращаться, когда замечаю движение в камере, которую посчитала пустой. Я приглядываюсь.

– Принцесса?

Мой переполненный шок вопрос отскакивает от стен тюрьмы и жутким эхом скользит по камням. Я вздрагиваю, но фиолетоволицая фейри не двигается. Она лежит спиной ко мне на жалкой кучке соломы, свернувшись калачиком, чтобы согреться.

Я убеждаюсь, что вокруг нет стражей, шагаю вперед и хватаюсь за железные прутья.

– Принцесса? – От моего шепота фейри просыпается, и я вижу в слабом свете фонаря, как она переворачивается и садится. – Принцесса Сура, – вздыхаю я, прикрывая рот рукой.

Она выглядит плохо. Очень, очень, очень плохо.

Принцесса Сура всегда была воплощением грации и красоты. Ни одна прядь волос не выбивалась из ее прически, даже когда она спала. В ней не было ни капли слабости. Но фейри передо мной выглядит сломленной.

Под ее глазами залегли глубокие круги, а лавандовые волосы спутались в грязные колтуны. Ее кожа покрыта царапинами и синяками, а некогда красивое шелковое платье все в пятнах.

Принцесса несколько раз моргает, а затем, поморщившись, встает.

– Эмили? – шепчет она, и голос ее ломается, словно она несколько дней не говорила и не пила воды.

– Это я.

– Слава богам, – вздыхает она, и я вижу, как блестят от непролитых слез ее глаза. – Я знала, что ты придешь.

Оу. Она верила в мою шпионскую суть.

Принцесса Сура бросается ко мне, но пошатывается, и я тут же становлюсь невидимой, пролетаю сквозь решетку, снова обретаю телесность и ловлю ее как раз вовремя. Я осторожно опускаю фейри на солому и сажусь рядом.

– Оставайтесь здесь. Я сейчас вернусь.

Я вхожу в Завесу, пролетаю сквозь стены и быстро, как молния, попадаю на дворцовую кухню. Я хватаю две буханки хлеба и два кувшина воды, а затем направляюсь в покои принцессы, беру новое платье, пальто, теплые носки, полотенце и спешу обратно. К счастью, все, что у меня в руках, перемещается в и из Завесы вместе со мной, поэтому вещи обретают невидимость, когда это нужно. С живыми существами подобное не работает. Я пробовала. Для бабочки все закончилось плохо.

Я снова становлюсь видимой уже в камере, и принцесса вздрагивает от удивления при моем появлении. Я немедленно принимаюсь за работу. Осторожно снимаю с нее перепачканное платье и смываю грязь с кожи. Мы не говорим, но я методично обтираю ее, и принцесса позволяет мне это делать, поднимая руку или перекладывая ногу.

Оттерев как можно больше грязи, я помогаю принцессе одеться в новую одежду и укутываю ее, дрожащую, в теплое меховое пальто. Я аккуратно отламываю кусочки хлеба и передаю их ей по одному, подавая за каждым кусочком воду.

Есть что-то хорошее в нашем тихом товариществе. Оно заполняет пространство больше, чем любое количество бессмысленных голосов. Мы молчим, пока я ухаживаю за принцессой, и когда она наконец жестами показывает, что съела и выпила столько, сколько могла, я откладываю все на пол и спрашиваю:

– Что случилось?

Она вздыхает, и это вздох уставшего поверженного игрока. Я не привыкла слышать от нее такое.

– Он переиграл меня.

Она говорит о принце, конечно.

– Он правда любит играть, – бормочу я.

Принцесса кивает и принимается вычищать грязь из-под ногтей.

– Он узнал, что я работала на сопротивление. Он привел меня сюда...

Она прерывается, стыдливо опустив взгляд.

– К нам были посланы солдаты. Ваши солдаты, – говорю я.

От раздражения у принцессы Суры дергается глаз.

– Он добрался почти до всех.

Пораженческие нотки в ее голосе меня убивают, я оглядываю промозглую камеру.

– Мне нужно вызвать вас отсюда.

Она качает головой.

– Ты не сможешь этого сделать.

– А как же ваша сила? Разве вы не можете наложить чары? Может, у вас получится одурочить стражей и заставить их открыть камеру?

Она машет рукой в сторону решетки.

– Камера укреплена железом. Я полностью лишена магии.

Крепко задумавшись, я грызу ноготь.

– Хорошо. Может быть, я дождусь момента, когда кто-то из стражей войдет и откроет камеру? Я обернусь видимой и ударю его по голове, – с надеждой предлагаю я.

Но принцесса только качает головой.

– Они никогда не открывают дверь. Останься со мной, – говорит она, стискивая мою ладонь. У нее ледяные пальцы. – Не уходи.

Фейри прижимается ко мне, в ее фиолетовых глазах отчаяние, и я чувствую новый прилив жалости.

– Не волнуйтесь. Я найду способ вытащить вас отсюда, – обещаю я. – Но если я останусь здесь, то ничем не смогу помочь, – мягко говорю я. – Может быть, если я найду своих ребят, они помогут мне вас вызволить. Но опять же, мне нужен кто-то, кто обладает большей ловкостью... – На меня снисходит вдохновение, и я взволнованно щелкаю пальцами. – Рогатый Крюк! Я попрошу его помочь.

Она качает головой.

– Нет. Я не хочу его в это впутывать.

– Не глупите. Он предупредил нас о том, что принц обыскивает остров. Думаю, мы можем ему доверять.

Принцесса Сура вот-вот погрязнет в панике, поэтому я быстро сжимаю ее руку, я надеюсь, в успокаивающем жесте.

– Не волнуйтесь, он поможет, и тогда у нас получится вытащить вас отсюда. А сейчас, как думаете, где он может быть?

– Я не могу просить его...

Принцесса запинается, ее голос дрожит. Моя купидонья интуиция внезапно откликается на какие-то очень сильные любовные эмоции.

Я замираю, глядя на нее с удивлением.

Неужели она равнодушна к Белрену?

Я помню, что это она рекомендовала его генфинам, когда я застряла в Завесе. Я помню, как он ненавидит принца. Как он словно бы все знает и вечно идет наперекор королевским особам. Как его изгнали. Может быть, дело не только в воровстве. Может быть, причина его извечного стремления насолить принцу как раз кроется в том, что это принц украл у *него* принцессу.

Я думала, что он заигрывал со мной, когда появился в нашей норе прямо перед тем, как мы с генфинами подтвердили нашу связь, но, может быть, я все неправильно поняла? Может, в тот день он пришел предупредить меня, потому что именно в него была влюблена принцесса Сура и они все это время сотрудничали? Но если это так, то почему он до сих пор не попытался вызволить ее отсюда?

– Если кто и может вытащить вас, так это он. Где я могу его найти?

Принцесса с дрожью выдыхает.

– При первых же признаках беды он покинет остров королевства и затаится. Он отправится туда, где принц решит искать его только в последнюю очередь.

– И где же?

– Остров, куда его изгнали. Остров Арахно.

Глава 8

Боги. Сегодня просто не мой день.

– Арахно? Как та суперстрашная фея с миллиардом глаз, которая любит заманивать людей в паутину? Та жуткая каннибалка? Эта Арахно? – Принцесса Сура кивает, и мое сердце уходит в пятки. – Но как он окажется на ее острове? Он не смог бы пройти через барьер.

– Я использовала свою силу, чтобы создать проход через барьер. Он попросил меня об этом, – объясняет она. – Проход маленький, на одного человека, и хорошо спрятан. Но он есть.

Я подробно расспрашиваю, где именно на острове находится тайное убежище Белрена. Убедившись, что смогу его найти, я собираюсь уходить.

– Хорошо. Я пойду и найду его. Не волнуйтесь, я справлюсь.

На лице принцессы появляется вымученная улыбка.

– Как ты нашла меня? – спрашивает она, доедая хлеб.

– Вообще-то я искала своих ребят, – признаюсь я. Чувствуя себя немного виноватой. – Я не знаю, где мои генфины, и я не видела Окота с тех самых пор, как вы отправили его на задание.

– Насчет этого... – В коридоре раздается шум, и принцесса прерывается на полуслове. – Стражи проводят стандартный обход, – торопливо шепчет она и снова хватается за руку, словно не хочет, чтобы я оставляла ее, но я мягко отстраняюсь.

– Я найду Белрена, не переживайте.

Я коротко киваю, а затем становлюсь невидимой. Пролетаю мимо стража, который поднимается по лестнице, и возвращаюсь во дворец.

Я миную стены дворца, но останавливаюсь в одной из комнат. Зависнув в воздухе, я дважды оборачиваюсь, а затем и вовсе замираю от увиденного.

Окот.

Он здесь.

Он здесь, в дворцовой спальне, сидит в кресле, свесив голову и положив локти на бедра. Я подлетаю ближе, настолько удивленная тем, что нашла его, что чуть не задыхаюсь от радости. Я так сильно по нему скучала, что мне больно.

Он вскидывает голову при моем приближении, и я удивленно вздрагиваю, а затем замечаю, что что-то очень, очень не так.

Его ярко-красный ирокез немыт и растрепан, а ведь обычно волосы Окота гладкие и спадают на одну сторону. Окот вскакивает на ноги и принимается вышагивать по комнате, словно бык в загоне, который только и ждет, чтобы наброситься на кого-то, и, как ни странно, вышагивает Окот вокруг *меня*.

Все это время на его лице возникает то совершенная безразличность, то абсолютный гнев. Явно расстроенный чем-то, он дергает головой и хватается за ярко-красные волосы.

Пока он мечется туда-сюда, я могу осмотреть комнату. В ней царит беспорядок. Одежда разбросана и скомкана, свисают наполовину на пол, фонари опрокинуты, их стекла лежат крошкой на полу.

Окот непрестанно шагает и шагает, и я непроизвольно отлетаю от него все дальше. Я упираюсь спиной в стол, но одним движением Окот бросается вперед, протягивает обе руки и бросает стол через всю комнату. Я вздрагиваю, когда стол пролетает сквозь меня, и смотрю, как он разбивается о стену и падает на пол.

Я оглядываюсь на Окота, широко раскрыв глаза. Что-то серьезно не так, и я не могу ждать и хочу успокоить его. Я становлюсь видимой и делаю неуверенный шаг вперед.

– Окот? – тихо зову его я.

Сначала он меня не слышит. Только бубнит себе под нос, но я не могу разобрать, что именно.

Я делаю еще один осторожный шаг вперед.

– Окот? – снова зову я.

Он застывает на месте и дергает головой. Я задыхаюсь при виде глубоких фиолетовых кругов под его глазами. В его глазах почти не заметны красные радужки. Зрачки затопили их целиком, а белки налились кровью. А выражение лица... совсем не такое, как обычно.

Что случилось с моим нежным великаном?

Какое-то время мы просто смотрим друг на друга, ни один из нас не двигается. Окот так ужасно выглядит, что у меня наворачиваются слезы. Я так хочу свернуться калачиком в его больших руках и вдохнуть его запах.

– Окот, ты в порядке? – спрашиваю я, мой голос едва громче шепота. Я улыбаюсь ему, но нижняя губа слегка дрожит. Почему он не двигается? Почему ничего не говорит?

Но тут словно разрушаются чары, и в следующее мгновение он уже бросается ко мне. Мое сердце ускоряет темп, отчаянно желая нашего воссоединения. Моя улыбка становится шире, пока он пересекает комнату. Окот оказывается рядом и берет меня за руки.

Но вместо того, чтобы притянуть к себе и устроить на своей груди, он неожиданно прижимает меня к стене.

Я удивленно вскрикиваю, ударяясь головой о твердый камень. Я смотрю на Окота с удивлением, на лице неприкрытый шок. Его глаза наполняются чернотой, а лицо перекошено ненавистью. Меня переполняют одновременно изумление и страх.

– Окот, что...

Он хватается меня за шею, и мои слова застревают в горле. Окот делает это совсем не так любовно, как делал раньше. Нет, теперь его хватка вовсе не нежная. Он жесток, и меня охватывает паника, пока он пережимает мне трахею.

Но я продолжаю ждать. Жду, когда этот кошмар закончится. Жду, когда он выберется из водоворота безумия. Потому что я не понимаю, что, черт возьми, происходит.

Но когда мое зрение начинает тускнеть, а Окот пальцем перекрывает мне кислород, приходит тошнотворное осознание того, что я ошибалась на его счет.

Он сказал, что он получил задание от принцессы. Принцессу посадили в тюрьму, но Окот... здесь. Во дворце. Пытается задушить меня.

Я произношу «Пожалуйста» одними губами, потому что, кроме хриплого выдоха, ничего больше не может вырваться из моего рта. Я молю одними глазами, слезы катятся по щекам. Окот не уступает. Наоборот, его хватка становится крепче.

Начиная терять сознание, я наконец признаю, что все происходит на самом деле и не является какой-то большой шуткой. Я снова оказываюсь в Завесе.

Его тело налетает на стену, где только что была я, а я сама падаю на пол, делая фальшивые вдохи своими ненастоящими легкими. Я оказываюсь вне досягаемости и зависаю над кроватью с балдахином на самом верху перил, прежде чем снова появиться в физическом измерении.

Я делаю несколько настоящих рваных вдохов, несмотря на боль в горле.

– Окот, – хриплю я. – Это я. Твоя пара.

Никогда в жизни я так сильно не хотела услышать слова «возлюбленная моя».

Но он не приходит в себя. Нет, он просто смеется надо мной с таким выражением, которого я никогда раньше не видела на его лице. По крайней мере, не в мою сторону. Он идет вперед, хватается за перила, на которых я стою, и с силой ломает их пополам, сбивая меня на пол. У меня всего пара секунд, чтобы среагировать.

К несчастью, я не становлюсь невидимой. Вместо этого я лишь вскрикиваю и падаю на пол, больно ударяясь плечом. Я едва успеваю перевернуться, прежде чем Окот снова настигает меня. Он поднимает меня на ноги, больно держа за руку.

– Окот. Просто поговори со мной, – умоляю я. – Объясни, почему ты это делаешь!

Я не понимаю. Я в смятении, эмоции зашкаливают. Окот любит меня. Я чувствовала это каждый раз, когда он смотрел на меня. Он не мог притворяться... верно?

Он не обращает на мои слова никакого внимания и тянет меня к двери, больно впинаясь пальцами в кожу.

– Купидон – враг.

Я качаю головой, желая, чтобы это движение прояснило ту чушь, которую он произносит.

– Значит, ты просто врал все это время? – надломленно спрашиваю я.

Я чувствую, как по щекам бегут горячие слезы, но не замечаю, что плачу. Я слишком потрясена. Как будто мозг все еще отказывается верить в то, что Окот предал меня. Окот, который сейчас тащит меня по коридору к принцу, – это не тот Окот, который обнимал меня и гладил по волосам. Я просто не могу уложить это все в голове, и все же связь пары, которую я чувствую, не оставляет сомнений: это действительно мой Окот.

Он не отвечает, только продолжает тянуть меня вперед.

– Окот, если принц угрожает тебе или что-то еще, просто скажи мне. Позволь мне помочь...

Мгновенно сбоку от меня в клубке розового дыма появляется Лекс, ее лицо озаряет широкая отзывчивая улыбка... пока она не замечает меня, и тогда улыбка быстро гаснет.

– Мадам Купидон Эмили.

Окот набрасывается на мою помощницу и хватает ее за горло.

– Окот, нет!

Я пытаюсь отцепить его от Лекс, но, конечно, гребаный ламашту слишком силен.

– Лекс. Стань невидимой. *Сейчас же*, – приказываю я.

И вот она исчезает, а кулаки Окота ловят лишь воздух.

Окот с яростью поворачивается ко мне, но, прежде чем он успевает схватить меня снова, я становлюсь невидимой. Лекс с широко раскрытыми от удивления глазами оказывается рядом со мной. Мы обе смотрим, как Окот разочарованно кричит и бьет кулаком по стене с такой силой, что куски камня летят на пол. Когда подбегают дворцовые стражи, я разворачиваюсь и улетаю сквозь стены, покидая дворец так быстро, как только может мое нематериальное тело.

На протяжении десятилетий я наблюдала, как сердца людей разбиваются на миллион кусочков. Еще одна из обязанностей купидона. Не бывает любви без вероятности, что все пойдет не так. В течение многих лет я пыталась собрать сердца по кусочкам. Иногда мне это удавалось. Иногда нет. А порой мне приходилось смотреть, как самые прекрасные из людей страдают самым ужасным образом.

Я смотрела, как они плачут, кричат или замыкаются в себе, и мне было неприятно, что я имею отношение к их страданиям из-за потерянной любви. Но я никогда не знала, каково чувствовать это на самом деле. Но сейчас поняла, в этот самый момент.

Иронично, правда? Я – купидон, и мое сердце только что разбило.

Глава 9

Я рыдаю на дымящемся дереве.

В прямом смысле, оно дымится. Вместо листьев на ветвях висят клубы густого дыма, который постоянно меняет цвет. Я не знаю точно, почему я решила приземлиться на одну из его ветвей, стать видимой и начать плакать. Просто мне показалось, что раз у меня нервный срыв, то хорошо бы, чтобы он случился в окружении радужного дыма.

По лицу размазаны сопли и слезы, волосы пахнут гарью, но, по крайней мере, дым скрывает меня от посторонних глаз. Он вьется вокруг, словно обнимая. Да, я знаю. Странно, да? Да. Но прямо сейчас я упиваюсь своим горем, и мне очень нужно, чтоб меня обняли, так что если приходится притворяться, что это делает волшебное дымящееся дерево, то, черт побери, пусть так оно и будет.

Я сижу на ветке и плачу до тех пор, пока не кончаются слезы, а Лекс устроилась на соседней ветке и стойко молчит. Слезы наконец высыхают, глаза болезненно опухают, я чувствую себя совершенно несчастной, но цунами боли вышло потоком через глаза и помогло успокоиться. Мне все еще нужно выполнить задание.

Я должна выкинуть все мысли об Окоте из головы, иначе захочется свернуться в клубок и спать сто лет, чтобы не чувствовать боль. Но я не могу себе этого позволить. Я нужна принцессе. Я нужна своим генфинам. Я должна вызволить принцессу Суру из тюрьмы и найти своих ребят.

После этого... я разберусь с болью, которую причинило мне предательство Окота. Но не сейчас. Я выплакалась, и это все, что я могу себе позволить на данный момент.

– Лучше?

Я внимательно смотрю на Лекс, которая сидит на ветке и выжидающе смотрит на меня. Она такая аккуратная и правильная, у нее гладкие розовые волосы и одежда без единого залома, в то время как у меня... радужные пятна от дыма на платье и лицо все в следах рыданий.

А еще я не уверена, что у меня в волосах нет соплей. Что? Мне только что разбили сердце. Девушка имеет право безобразно выплакаться.

Вопрос Лекс повисает в воздухе. Мне лучше? Нет. Совсем нет. Но я вытираю нос рукой и все равно киваю ей.

– Да.

Лекс каким-то сумасшедшим образом перепрыгивает со своей ветки на мою и грациозно приземляется рядом. Если бы я попробовала так сделать, то точно бы потеряла равновесие и упала вниз кулем.

– Я исцелила более девятисот тысяч разбитых сердец, – говорит она будничным тоном. – Мой метод проверен и верен. Вы выбираете одну или несколько приемлемых замен, и я поражаю их двумя Стрелами Любви подряд, а затем добавляю ровно три Прикосновения Флирта при первом взгляде на вас. Это гарантирует любовь с первого взгляда, процент успеха которой составляет восемьдесят два процента.

Я смотрю на купидона с удивлением.

– Мм... ого. Это действительно круто.

– Я горжусь тем, что хорошо выполняю свою работу.

Я шмыгаю носом.

– Спасибо за предложение, но нет.

Она качает головой и тянется к колчану, полному стрел.

– Я могу направиться к тому сомнительному и поразить его Стрелами Любви? Конечно, на него это может не подействовать. Он, кажется, очень разгневан.

– Нет, спасибо, и насчет этого, Лекс.

Меньше всего я хочу, чтобы чувства кого-то из моих ребят были им навязаны. Особенно это касается Окота. Он предал меня. Лгал мне. Все оказалось ненастоящим. Я хочу обрести любовь сама, без вмешательства купидонных сил.

Мне приходит в голову мысль.

– Подожди. Как ты здесь оказалась? Я думала, только я могу входить и выходить из Завесы.

Лекс качает головой.

– Как ваша помощница, я прихожу на помощь в любой момент, когда она нужна. Полагаю, это относится и к тому времени, когда вы находитесь в физическом измерении.

Я провожу рукой по лицу.

– А ты не начнешь неправильно функционировать?

– Нет, в прошлом я уже бывала в физическом измерении по делам Семы. Завеса считает это частью моих обязанностей.

– О, ладно. Хорошо.

– Простите, но... ваши руки грязные? – спрашивает она, глядя на мои ладони.

Я тоже смотрю на них и понимаю, что они *действительно* грязные. Даже непристойно грязные. Я тру ладони одна об другую, и на землю падают коричневые частички.

– Пыль? – спрашивает Лекс.

Я хмуро смотрю на собирающуюся у меня под ногами кучку.

– Не-а. Не пыль. Песок, – отвечаю я. – Силы песочника. Песочницы? Песочной леди? Неважно, ты поняла, о ком я.

Моя помощница удивленно вскидывает брови.

– О.

Я пытаюсь стряхнуть пыль, но от этого движения метка Главы купидонов снова светится розовым. Я вздыхаю и сдаюсь.

– По крайней мере, розовое свечение может пригодиться в темноте, – с надеждой говорит Лекс. Она на самом деле оптимистка, у которой стакан наполовину полон фруктового коктейля. – И готова поспорить, вы обязательно выясните, как использовать ваши новые способности во благо всех любящих существ.

Я с любопытством смотрю на нее.

– Тебе правда нравится быть купидоном, да?

Она с энтузиазмом кивает.

– Да. Устраивать Любовные Связи, наблюдать, как люди так переполняются любовью, что чуть не лопаются... это приносит мне удовлетворение.

– Неудивительно, что ты каждый раз становишься Купидоном месяца.

– Спасибо, – сияет она.

Я делаю глубокий вдох и беру себя в руки.

– Ладно, почему бы тебе пока не вернуться в Купидвилль? Там, куда я направляюсь, не совсем безопасно, и я знаю, что тебе не терпится попасть в водоворот любви, о котором ты говорила.

Лекс оглядывает меня с ног до головы, несомненно, отмечая, что выгляжу я, будто едва держу себя в руках, и качает головой.

– Нет, мадам Купидон Эмили. Я останусь с вами.

– Лекс...

– Не волнуйтесь, – поспешно говорит она. – При первых признаках проблем вы можете вытолкнуть меня обратно в Завесу.

По выражению лица девушки я понимаю, что не буду ее отговаривать. Если я не прикажу уйти, она останется со мной. И, если честно, я рада ее компании.

– Тогда ладно. С этого момента мы переходим в режим супершпионок. Становимся невидимками. Мне нужно слетать на один остров и разыскать там вора, и поверь мне, мы не хотим, чтобы нас поймали.

Лекс практически кипит от возбуждения.

– Как вы думаете, мы сможем пустить несколько Стрел Любви по пути?

– Давай.

– Ура! – она хлопает в ладоши.

Мы возвращаемся в Завесу и летим через королевство. Очевидно, что Окот уже предупредил солдат о моем появлении, потому что стражи прочесывают город тщательнее, чем раньше. Лекс подстреливает Стрелами не меньше дюжины фейри, прежде чем я заставляю ее остановиться, и мы взмываем в небо. Она летит рядом со мной прямо к острову изгнания Арахно. Его легко найти, поскольку остров изгнания моих генфинов находится ниже острова королевства, а остров Арахно – прямо под ним.

Полет туда не занимает много времени. Защитный барьер для нас не преграда, поэтому мы проходим через него без проблем. Следуя указаниям принцессы Суры, я принимаюсь искать тайное убежище Белрена на этом жутком скалистом острове. К счастью, оно находится с другой стороны от пещеры Арахно.

Я нахожу гору на краю острова, и мы летим к самой вершине.

– Что мы ищем? – спрашивает Лекс.

– Здесь должна быть дверь, – отвечаю я, оглядывая скалы. Я знаю, что мы в правильном месте. Мне просто нужно найти...

– Эта дверь?

Я поворачиваю голову и вижу, что Лекс указывает на прислоненную к склону горы каменную плиту. Я подлетаю к ней и сразу же нахожу букву «Р», вырезанную в боковой части. Она крошечная – едва ли дюйм в поперечнике.

Я впечатленно смотрю на Лекс.

– Ты отличная ассистентка.

Лекс практически сияет.

– Спасибо!

Мы пролетаем через каменную дверь и затем возвращаемся в физические тела.

– Пойдем, – говорю я, хватаю ее за руку и тяну вперед.

Мы идем по извилистому каменному туннелю, высеченному в горе. Через каждые несколько футов на стене висит фонарь, который волшебным образом загорается, когда мы проходим мимо.

– Что это за шум?

Я останавливаюсь и внимательно прислушиваюсь.

– Я думаю, это... музыка? Стань невидимой, Лекс. На всякий случай.

Она кивает и исчезает, а я спешу на звук. Добираюсь до конца туннеля и обнаруживаю сгорбившегося у стены, храпящего фейри. Я минуя его, открываю кривую деревянную дверь и вхожу в огромную комнату.

Разумеется, источником музыки является квартет фейри, которые собрались на импровизированной сцене с похожими на флейты инструментами в руках. Дюжина полуголых фейри танцует. В комнате полно дыма и пахнет сказочным вином.

В углу фейри занимаются групповым сексом, а другие сидят в стороне и наблюдают за ними. Белрен находится в самой гуще событий.

– Чертов Рогатый Съемщик, – бормочу я сквозь стиснутые зубы. Он лежит на спине, серые рога закручены над серебряной маской, он курит трубку и выпускает дым в виде бабочек. И женщины, и мужчины фейри вокруг него хихикают и не скрывают абсолютного обожания.

Я подхожу ближе и встаю над ним, скрестив руки на груди.

– Какого черта ты тут делаешь?

Белрен изумленно смотрит на меня своими серыми глазами. Оглядывает с головы до ног через прорези маски, явно что-то прикидывая.

– Я ведь взял с тебя обещание никогда не возвращаться на этот остров, – бормочет он.

Белрен медленно затягивается, затем вытягивает губы и выдыхает в меня дым. Перед моим лицом образуется бабочка из дыма, она машет крыльями.

– Да, но это было до того, как мне понадобилось выследить твою вороватую задницу. – Я взмахиваю рукой и разрушаю бабочку, отчего другие фейри недовольно стонут. Я хмуро смотрю на них. – Нельзя так делать. Это невежливо.

Улыбка медленно расплзается по лицу Белрена. Я замечаю, как под маской сверкают зубы.

– Это действительно ты. Ты вернулась, – говорит он, скорее себе, чем мне, пока дым вьется вокруг него. По запаху я понимаю, что он курит не просто лавровые листья. Это вещество кажется... сильнодействующим.

Одним плавным движением Белрен поднимается, берет меня за руку и тащит к деревянной двери в задней части комнаты. Когда мы оказываемся внутри, он закрывает за собой дверь. Помещение погружается в темноту. Полную темноту.

Ну, знаете, за исключением светящегося знака начальницы купидонов.

Глава 10

Благодаря розовому свечению, которое исходит от меня в темной комнате, я вижу, как Белрен снимает маску, а затем вскидывает белую бровь.

– Новый трюк?

Я смотрю на свою руку.

– Ага.

Взмахнув рукой, он использует телекинез, чтобы чиркнуть спичкой и зажечь одну за другой свечи и фонари в комнате. Вскоре пространство освещается настолько, что я понимаю: мы находимся в спальне.

Повсюду развешаны украшения, оружие и все блесит – Рогатый Крюк себе не изменяет.

– Новые краденые вещи? – говорю я, указывая на украшенный драгоценными камнями кинжал на стене у меня за спиной.

Белрен ухмыляется.

– Тяжелая у меня работа, но кто-то ведь должен воровать.

– Как ты можешь устраивать чудачковатые вечеринки под землей на острове изгнания? Я думала, ты должен был затаиться?

– Я это и делаю. У меня здесь собрались всего несколько дюжин фейри. Очень скромная вечеринка в тайном укрытии.

Я вздыхаю и потираю брови.

– Белрен...

Он разглядывает меня с головы до ног, ничуть не смущаясь того, что его взгляд задерживается на моей груди.

– Ты все осознала и оставила своих ребят ради меня? Поэтому ты здесь?

Я прищуриваюсь и кладу руки на бедра.

– Как ты можешь флиртовать со мной, пока твоя возлюбленная заточена в тюрьме, покрытая синяками, замерзшая и голодная? Я не могу поверить, что ты можешь так поступать.

Веселье на его лице сменяется недоумением.

– О чем ты говоришь?

– Принцесса Сура! – раздраженно говорю я. – Ты здесь развлекаешься, флиртуешь и создаешь из дыма бабочек, другие фейри занимаются сексом в твоей маленькой пещерке для вечеринок, а ведь ты должен пытаться спасти принцессу!

Белрен хмурится и рассеянно проводит рукой по своим длинным белым волосам, направляя их за седые рога по обе стороны головы.

– Принцесса пропала несколько недель назад. Ее считают мертвой.

– Она жива. Я видела ее всего пару часов назад. Ее держат в тюремной башне.

Он поворачивается и начинает расхаживать по комнате, прикрывая в задумчивости губы ладонью.

– Она жива, – тихо говорит он больше себе, нежели мне. – Ты уверена?

– Да, и я не думаю, что ей понравится, как ты флиртуешь с другими, – говорю я, тыча в него пальцем. – И я должна предупредить: как купидон, я не люблю, когда люди разбивают другим людям сердца.

Особенно ее сердце, добавляю я про себя. Принцесса Сура и так многое перенесла. Если Белрен причинит ей боль, я засуну Стрелу Любви в его задницу так глубоко, что его сердце будет выкрикивать сонеты и светиться до конца жизни.

Он замирает и смотрит на меня с недоумением.

– Подожди, ты думаешь, что принцесса и я...

Белрен не договаривает, но откидывает голову назад и разражается самым отвратительным смехом, который я когда-либо слышала. И это не короткий лай. Нет. Он смеется дальше. И смеется. И смеется.

– Что, черт возьми, смешного?

Вытирая слезы, он качает головой, отчего его рога блестят в свете свечей.

– Мы с принцессой не любовники.

Я сдвигаю брови.

– Не любовники?

– Нет. С чего ты это взяла?

– Ну... то есть я просто подумала так, потому что уловила какие-то исходящие от нее любовные эмоции. – В голову приходит мысль, и я стону. – О, боги, это ведь не безответная любовь? Она влюблена в тебя, а ты не даешь ей и шанса? Как ты можешь так, Белрен? – вопрошаю я.

Он смеется.

– Переведи дух, леди из Завесы. Она любит не меня. Нуждается во мне, это точно, но любовь... нет.

– Ну... теперь я просто в замешательстве.

– Скажем так, у нас есть общий знакомый.

Я склоняю голову.

– Что это значит?

– Мы оба ищем кое-кого.

Интригующе.

– Кого?

Белрен ухмыляется.

– Извини. Я не выдаю секреты бесплатно. Я коллекционер и вор. Иное могло бы навредить бизнесу.

– Мне кажется, у тебя проблемы с чрезмерным накопительством.

Я принимаюсь в задумчивости расхаживать по комнате, касаясь развешанных по стенам украденных вещей. Раз принцесса находится под стражей, потому что принц Эльфар узнал, что она помогала руководить восстанием, то почему он *не* казнил ее? Должно быть, у него какие-то другие планы, о которых я пока не знаю.

Что бы я ни делала, принц всегда на два шага впереди.

– Ты можешь этого не делать? – вздыхает Белрен.

Прервав раздумья, я бросаю на него взгляд через плечо, рука замирает на шелковом шарфе с бриллиантами.

– Мне нельзя трогать твои вещи?

– Не в этом дело, – поясняет он. – Прекрати крутиться. От этого твоя задница выглядит очень аппетитно, а мы уже выяснили, что ты остаешься со своим гаремом. Так что прекрати вилять задом у меня в спальне.

Теперь наступает моя очередь смеяться.

– Я не виляю задом, я *хожу*. И что, разве ты любишь делиться? – поддразниваю его я.

Он усмехается.

– Я вор. Мне нравится брать то, что принадлежит другим. Разумеется, я не люблю делиться.

Он шагает ко мне, в его глазах плещется дерзость. Он не останавливается, пока мы не оказываемся нос к носу, и мне приходится задрать голову, чтобы посмотреть на него. От его взгляда у меня перехватывает дыхание. И все же, каким бы красивым он ни был, Белрен держит все карты при себе, и мне никогда не удастся понять его. Я не знаю ни его самого, ни его мотивов. И я не собираюсь бросать своих ребят ради него.

– Но, как я уже сказал, я еще и коллекционер, – продолжает Белрен, и, когда он пропускает между пальцев прядь моих розовых волос, его голос становится низким и хриплым. – Это означает, что меня очаровывает все редкое. Особенное. Уникальное. А ты, моя дорогая леди из Завесы, совершенно уникальна.

Должна признаться, его близость и взгляд немного пугают меня. Клянусь, если он приблизится хоть на дюйм, мы будем целоваться. А я не могу его поцеловать. Он не моя пара, и он только что ясно обозначил свою позицию насчет дележки. Я не собираюсь переступать черту. Мне нужно отвлечься, и побыстрее. Поэтому я делаю первое, что приходит в голову.

– На помощь, – пишу я.

Лекс появляется рядом со мной.

– Привет, – говорит она радостно.

Белрен отпускает мои волосы и вздрагивает от удивления. Я вижу, как его серые глаза расширяются, а взгляд мечется между нами. Я прижимаю руку к горящим щекам и, пользуясь возможностью, отхожу от него. Несомненно, Белрен привлекателен и излучает особое сексуальное самодовольство, мне трудно думать, когда он направляет свою харизму прямо на меня.

Я прочищаю горло и заставляю сердце успокоиться.

– Насчет всей этой уникальности...

– Вас двое, – говорит он, все еще глядя на Лекс.

– Нас не двое, – поправляю я. – Есть я и есть она.

– Две леди из Завесы. Как это возможно? И почему вы так похожи? И откуда, черт возьми, она взялась?

– Мы купидоны, – отвечает Лекс. – Все купидоны так выглядят. – Она переводит взгляд на меня и склоняет голову. – Ну, внешность мадам Купидон Эмили... немного изменилась. А я пришла прямо из Завесы.

Белрен обращает ко мне серебристое лицо.

– *Ты и есть* тот купидон, о котором все шепчутся?

Я слегка напрягаюсь, вспоминая, что генфин на улице назвал меня точно так же.

– Что ты слышал?

Белрен постукивает украшенным драгоценностями пальцем по подбородку.

– Существует купидон из другого мира. В нашем мире она сеет хаос. Согласно одним шепоткам, ты – демон, который пришел наказать весь род фейри. По другим – ты здесь, чтобы помочь нам победить принца и положить конец его тирании. А третьи заявляют, что ты всего лишь человек-птица с причудливыми крыльями и на самом деле ты сражаешься на стороне принца и убиваешь всех, кто стоит на твоём пути.

Я негодую.

– У меня *не* причудливые крылья.

Белрен поднимает белую бровь.

– Это все, что тебя занимает?

– Мне просто не нравится, когда меня неправильно описывают, – настаиваю я.

– А ты серьезно насчет купидонства?

То есть любовь, секс и все такое? – спрашивает он.

Я жестом показываю на Стрелы Любви, которые сейчас находятся в колчане у меня за спиной.

– Да.

Белрен выглядит озадаченным и безмерно заинтригованным.

– И она твоя помощница? – спрашивает он с сомнением. – Кто во всех мирах дал тебе помощницу?

– Не произноси это таким тоном. Долгая история. В Купидвилле произошла небольшая потасовка.

– Потасовка? – смеется он.

Я машу рукой.

– Теперь я вроде как там главная. Прошлый начальник... ну, как я уже сказала. Была потасовка.

– Уверен, что так оно и было, – говорит Белрен, снова возвращаясь глазами к Лекс.

Он медленно трахает ее взглядом, оценивая ее горячий и строгий вид школьной учительницы. В его глаза хищный вызов. Я практически чувствую волны желания, которые исходят от него.

– У тебя ведь нет толпы пар, бегающих за тобой по пятам? – спрашивает он.

Лекс хмурится.

– Что?

Я вздыхаю.

– Не пытайся соблазнить мою помощницу.

Он полностью меня игнорирует.

– Как тебя зовут, Пинки?

– Я купидон «шестьдесят девять», – отвечает она совершенно искренне. Я стою и мысленно бью себя по лицу.

На лице Белрена расплывается широчайшая улыбка.

– И берешь, и даришь. Какая же ты прелесть.

– Лекс. Ее имя Лекс, – говорю я.

– Что ж, *Лекс*, – начинает он, приближаясь к ней. Он включает свое обаяние на максимум, но вместо того, чтобы растаять или отшатнуться, Лекс просто продолжает улыбаться ему, словно она администратор в отеле, которая собирается зарегистрировать его без очереди. Даже когда Белрен опирается рукой на стену позади нее, по сути, загоняя в угол, она не теряет своего вежливого, но отстраненного выражения лица. – Я бы с удовольствием познакомился с тобой поближе.

Я закатываю глаза.

– Ты *только что* флиртовал со мной.

Белрен пожимает плечами и смотрит на меня через плечо.

– Ты прекрасное, уникальное создание. Я ничего не могу с собой поделать. Как я уже сказал, я коллекционер. Я понимаю, когда вижу что-то ценное. Вполне естественно, что меня влечет к тебе. Но, повторю, я не из тех, кто делится, а ты упрямо придерживаешься многообразия, не так ли?

– Да, черт возьми! Они мои пары.

Не чувствуя сожаления, он пожимает плечами.

– Что ж. Я понимаю, когда дело проиграно. – Белрен оглядывается на Лекс. – А вот у этой, похоже, еще нет орды ухажеров, связанных с ней. Я намерен соблазнить тебя, – говорит он ей совершенно серьезно.

Лекс качает головой.

– Соблазнить меня?

Белрен позволяет медленной ухмылке расплзтись по лицу.

– Именно. Скажи мне, ты когда-нибудь пробовала сделать это в позе твоего имени? – Он медленно проводит пальцем по ее руке. – Уверю тебя, я неплохо справляюсь с этой цифрой.

Я щелкаю пальцами, чтобы привлечь его внимание.

– Не мог бы ты сосредоточиться?

Он вздыхает и опускает руку.

– Знаешь, для купидона ты ведешь себя как зануда.

Я открываю рот, чтобы отчитать его, но Лекс меня перебивает:

– О, прошу прощения, сэр Рогатый Съемщик. Я недоступна... для романтических отношений. Я не просто купидон, я Купидон месяца, а также помощница мадам Купидона Эмили. Поэтому я не могу вступать ни в какие связи, интрижки или любовные романы любого рода. Это не только противоречит законам купидонов, но у меня просто нет на это времени. Я очень серьезно отношусь к своим рабочим обязанностям. Помимо всего прочего, мне нужно устраивать большое количество Любовных Связей и сексуальных взаимодействий во всех мирах.

Я хихикаю, глядя на выражение лица Белрена.

– Во-первых, я Рогатый Крюк, – говорит он, бросая на меня злой взгляд. – И почему вы, купидоны, вечно отказываете мне? – ворчит он.

Я смеюсь.

– Не привык, что тебе отказывают?

– Вообще-то нет, – признается он.

Да, я понимаю, почему. Белрен – горячий фейри, завернутый в красивую серебряную упаковку.

– Ты можешь на минутку обуздать свое эго и помочь мне придумать, как спасти принцессу? Попробуешь соблазнить Лекс позже.

– Ладно, – вздыхает он, как будто я правда его отвлекаю.

– Лекс, почему бы тебе не заняться какими-нибудь делами и не проведать меня позже?

Она склоняет голову.

– Спасибо, мадам Купидон Эмили. Мне не терпится приступить к выполнению сегодняшней цели! – с воодушевлением говорит она.

Белрен смотрит на нее с изумлением.

– И какова же сегодняшняя цель, Шестьдесят Девять?

– У меня по плану стоит задача «Разбитое сердце». Я отправляюсь в мир людей, чтобы наставлять на путь истинных тех, кто попал в черный список.

– Черный список? – спрашивает Белрен. – Купидоны заносят людей в черный список?

– О да, – чинно кивает она. – Если человеку подобрали более трех Любовных Связей, но он разрушил все отношения своими гнусными действиями, он попадает в черный список. В этот момент только высшие купидоны, такие как я и мадам Купидон Эмили, могут попытаться устроить для него еще одну Любовную Связь. Но поскольку эти люди уже обходились с любовью плохо, нам необходимо проделать большую работу и убедиться, что они заслуживают второго шанса и не пренебрегут следующей связью. Это непростая задача, но, когда все получается, люди из черного списка зачастую становятся лучшими партнерами, потому что понимают, как им повезло: любовь дала им еще один шанс. Реабилитация людей из черного списка – труд тяжелый, но благодарный.

Белрен оглядывается, и я поднимаю руки.

– Не смотри на меня. Я никогда не работала с людьми из черного списка. Мне с трудом удавалось сохранить отношения даже влюбленных в друг друга со школьной скамьи парочек.

– И тем не менее ты главная, – говорит он с сарказмом.

В его словах есть смысл. Не то чтобы я собиралась ему об этом говорить. Я поворачиваюсь к Лекс.

– Давай, возвращайся, Лекс. Я уже в порядке.

В клубах розового дыма она исчезает.

– Хорошо, – говорит Белрен, его тон и выражение лица становятся серьезными. – Скажи мне, где именно держат принцессу.

Я рассказываю, и Белрен делает по ходу заметки. Но не совсем обычным способом. Сэр мастер-вор использует свою магию, чтобы перо само порхало по бумаге, пока он укладывает вещи в кожаный ранец. Вот это многозадачность.

– В тюремной башне не только отсутствуют окна и входные двери, она еще и защищена сильнейшей магией. Еще никому не удавалось оттуда сбежать, – объясняет он.

У меня замирает сердце.

– Что ж, это адски паршиво.

Его губы слегка подрагивают.

– Но... – продолжает он, закидывая рюкзак на плечо, – это потому, что я никогда не пробовал, – он нагло ухмыляется.

– Так ты можешь это сделать?

Я смотрю, как он призывает маску и закрепляет ее на голове.

– Я – Рогатый Крюк. Я могу украсть что угодно или кого угодно.

Меня переполняет облегчение.

– Хорошо. А еще я... вроде как потеряла своих генфинов, – быстро проговариваю я.

Он смотрит на меня с раздражением.

– Ты снова потеряла свои пары?

– Я не специально!

Он вздыхает и проводит рукой по лицу.

– Ладно. Мы вытащим принцессу, а потом я помогу тебе найти твоих генфинов, – он грозит мне пальцем. – Но это в последний раз. Хватит. Терять. Свои. Пары.

– Ладно, ладно, – обещаю я. – Можем ли мы теперь воспользоваться твоим мастерством вора Рогатого Крюка?

Я вижу, как за его маской мелькает улыбка. От переполняющих его возбуждения и озорства его серые глаза почти светятся.

– Пойдем украдем принцессу.

Глава 11

Мне приходится помочь разогнать оргию.

С тех пор, как я ушла в спальню Белрена, она усилилась. Белрен вздыхает, с тоской глядя на фейри, которые усердно наслаждаются друг другом.

– Ладно, ты займись вот этими, а я выброшу на берег келпи⁵.

Я гляжу, как он идет к груде тел с зеленой, похожей на морские водоросли слизию, вытекающей из отверстий. Фу.

Я направляюсь в противоположный угол, где занимаются сексом другие фейри. Честно говоря, мне немного неловко их прерывать. Я люблю начинать оргии, а не заканчивать. Чем ближе я подхожу, тем сильнее отзываются покаяванием мои купидоньи чувства.

Когда оказываюсь рядом, я прочищаю горло. И стараюсь отвести глаза, потому что, знаете ли, у меня есть пары и все такое. Участники оргии никак не реагируют. Они просто продолжают сосать, насаживаться и шуметь.

– Простите? – говорю я, задрав голову к грязному потолку.

Ничего.

Я громко хлопаю в ладоши, и это заставляет их наконец посмотреть на меня, а метку купидона загореться.

Тот, что с оленьими рогами, оглядывает меня с ног до головы и перестает лакомиться болтающимися между ног другого фейри штуками.

– Хочешь присоединиться к нам? – спрашивает он.

Он стоит на коленях, подпирая спину другого фейри, у которого четыре ноги и заплечный мешок. Хм. Держу пари, эта штука очень полезна, когда он ходит по магазинам. О. Подождите-ка. Это не заплечный мешок.

– Наслаждаешься картинкой? – Я быстро поднимаю глаза к потолку.

– Мм. Нет. Да. То есть выглядит интересно. Но нет, я бы не хотела присоединиться к вам. У меня есть пары. Множественное число, – поясняю я. – Один из них обладает сверхсилой. Другой свистом проделывает нечто странное. Точно не знаю. Но свистит он здорово. А третий...

– Эй! Разошлись!

Я вздрагиваю от громкого голоса Белрена, который незаметно подошел сзади. Он вроде как кричал мне прямо в ухо. Наверное, нарочно, придурок.

Другие фейри поднимаются на ноги. Слышится... хлопанье, пока они рассоединяются. Так много мокрых пятен. Я поворачиваюсь к ним спиной, пока они быстро одеваются и исчезают за дверью.

Я поворачиваюсь к Белрену.

– Они знают, как соскочить?

Белрен открывает рот, чтобы произнести грязную шутку, но я закатываю глаза и останавливаю его.

– Я имею в виду, как выбраться *с острова*.

Он усмехается, но опускает глаза.

– Да, конечно. Они выйдут через барьерный проход, который сделала принцесса. Готова идти?

– Да.

Он оглядывает меня с ног до головы.

---

⁵ Келпи – водяной дух, обитающий в реках и озерах. Келпи большей частью враждебны людям. Являются в облике пасущегося у воды коня, который подставляет путнику свою спину и затем увлекает его в воду.

– Тебе стоит переодеться.

– У меня точно не было времени собрать сменную одежду, – говорю я, оглядывая грязное платье.

– Дорогая, я вор. У меня есть все, что тебе может понадобиться, а если нет, то я смогу это достать.

Он что-то прокручивает на своем запястье, и мгновение ничего не происходит. Но через несколько секунд что-то вылетает из спальни Белрена и бросается на меня. Охнув, я пытаюсь схватить ткани, но они врезаются мне в грудь.

– Надевай.

– Можно было сказать «пожалуйста», – ворчу я, разглядывая сверток. Там теплые коричневые штаны, белая блузка и пара крепких кожаных сапог. – У тебя есть настоящие стрелы? – спрашиваю я.

Он смотрит на красные и розовые в моем колчане.

– А эти?..

– Стрелы Любви, это же очевидно.

Он ухмыляется.

– Очевидно.

Проходит еще мгновение, и стрелы устремляются ко мне. И летят они быстро. Когда они оказываются в нескольких сантиметрах от моего лица, я с удивленным писком падаю на пол.

Белрен смеется, и звук отражается от грязных стен комнаты. Я поднимаю на него глаза.

– Это было невежливо.

Стрелы зависли в дюймах от того места, где я только что была.

– Прости. Не удержался.

Я поднимаюсь и, схватив стрелы, быстро засовываю их в колчан.

– А теперь хватит бездельничать, иди переоденься.

Он убегает в другой конец комнаты, прежде чем я успеваю выпустить в его адрес серию проклятий. Я быстро иду в спальню Белрена и переодеваюсь, оставляя платье и шелковые шлепанцы кучей на полу. Когда я выхожу обратно к Белрену, все остальные фейри уже ушли, а он ждет меня в туннеле и причудливо крутит запястье.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я, оглядываясь вокруг.

– Последние фейри только что ушли. Я просто открываю проход для нас. Готова?

Готова ли я идти вызволять принцессу из тюрьмы, из которой невозможно выбраться? Нет.

– Ага, – отвечаю я. – Я суперкрутая шпионка. Без проблем могу выкрасть людей из тюрьмы.

Белрен дергает уголком рта и поворачивается в сторону каменной двери, а я следую за ним.

– Как так вышло, что вы все были здесь, и Арахно не нашла вас?

– Магия. Принцесса Сура не просто смогла сделать проход в барьере. Еще она зачаровала эту часть горы с помощью плаща. Наша старая подруга паучиха-каннибалка не знает, что на ее острове что-то не так. Кроме того, принцесса позаботилась о том, чтобы Арахно... кое-что доставляли.

Я останавливаюсь, охваченная ужасом.

– Принцесса Сура поставляет сюда фейри на съедение?

– Ничего такого ужасного, – говорит Белрен через плечо. – Она отправила сюда тачку со змеиными шкурами.

– Что это еще за змеиные шкуры?

Он передергивает плечами, как будто по ним бегут мурашки.

– Есть особенно уродливые фейри, которые сбрасывают шкуру раз в несколько лет. Это жуткий процесс, но их шкуры на самом деле очень ценны. Высохшие и затвердевшие шкуры используют для самых разных вещей. Целебные тоники, ткани, даже афродизиаки.

– Хм.

– Действительно. Но для Арахно в кусках фейри заключена сила. Каким-то образом она способна вытягивать ее из них и поглощать. Она будет очень занята этим подарком, процесс сушки утомляет. Все может пойти наперекосяк, если температура не будет идеально правильной.

При мысли о том, что Арахно сушит кожу какого-то фейри, у меня сводит живот. Я до сих пор помню, как она взяла язык банши и пережевала, как жвачку. При одном только воспоминании к горлу подкатывает тошнота.

Белрен слышит это и усмехается.

– С четырьмя парами тебе придется поработать над рвотным рефлексом.

– С моим рвотным рефлексом все в полном порядке, – защищаюсь я. – Вообще-то Силред сказал, что я превзошла его ожидания, – самодовольно сообщаю я.

– Ну это ведь он самый милый, верно?

Я хмуро смотрю в спину Белрена.

– Да, но...

– Именно.

Я замедляю шаг.

– У меня отличный рвотный рефлекс. Просто спроси у трех других!

Он пожимает плечами, как будто для него это не имеет значения. То есть для него это и не имеет значения, но мне не нравится, когда меня в чем-то ложно обвиняют.

– Мы еще обсудим это, – предупреждаю я Белрена.

Он смотрит на меня и ухмыляется.

– Во что бы то ни стало, пожалуйста, подними этот вопрос снова, когда мы найдем твои пропавшие пары.

– Обязательно, – говорю я, упрямо вздергивая подбородок. А Белрен просто смеется, словно это самая смешная вещь на свете.

Глава 12

Мы добираемся до каменной двери, на которой Белрен до этого отодвигал камень своей причудливой магией, но вместо того, чтобы направиться к проходу в барьере, он идет к горе, возвышающейся на стороне Арахно, и высвобождает из спины крылья.

Они похожи на крылья мотылька. Слегка размытые, но с красивыми крючкообразными формами в центре.

– В прозвище «Рогатый Крюк» все больше и больше смысла, – говорю ему я. – Но то, что мы идем к сумасшедшей паучине-каннибалке, которая пыталась нас съесть, совершенно бессмысленно.

Белрен продолжает спускаться, убирая камни со своего пути по мере продвижения, и создается впечатление, что он струится вниз по этой чертовой штуке. Когда на пути встают большие камни, он просто подпрыгивает в воздух и хлопает крыльями, чтобы быстрее через них перебраться. Я же сколжу, съезжаю и процарапываю дорогу вниз, пока не бросаю попытки сделать все так же грациозно, как он. Я пролетаю остаток пути и приземляюсь рядом с ним, пытаясь и отдуваясь.

Он поворачивается ко мне.

– Если подумать, может, тебе стоит просто... остаться здесь. Если тебе так сложно спуститься с горы, то я не уверен, что от тебя будет помощь.

– Заткнись, – произношу я громким шепотом.

Я очень не хочу, чтобы Арахно нас услышала. Даже благодаря мерзкой уловке с кожей змей-фейри я не уверена, что она отвлечена настолько, чтобы не заметить нас теперь, когда мы больше не защищены маскировочной магией укрытия.

– Может, ты объяснишь мне, какого черта мы здесь делаем? Я думала, мы возвращаемся на остров королевства?

– Что ж, мы пока не можем туда отправиться, – говорит Белрен, шагая вперед. Он продолжает идти к пещерам Арахно.

– Что? Почему нет? – говорю я, бросаясь догонять его.

– Разве ты не должна быть тайным агентом принцессы Суры?

– Если ты имеешь в виду ее суперкрутую шпионку, то да.

– Для шпионки ты не очень... искусна.

– И что, черт возьми, ты под этим подразумеваешь? – рычу я. Сначала рвотный рефлекс, а теперь сомнения в моих шпионских навыках. Мне это не по душе.

– В ту тюремную башню невозможно проникнуть снаружи, – поясняет Белрен, не сбавляя шага, пока мы идем по каменистой, скудной земле. Тут и там растут деревья, а низкий, густой туман покрывает весь остров, придавая ему еще более жуткий вид. Деревья похожи не на растения, а на крупные шипастые скелеты.

– Я знаю, – отвечаю я, стараясь не пыхтеть и не отставать. Я скучаю по своим ребятам. Они бы точно понесли меня на руках. Я недолго лечу, чтобы дать ногам передохнуть.

– Но, – продолжает он, – еще башня защищена магией. Магией, которая разорвет на части любого фейри, который попытается покинуть ее стены.

Я представляю, как принцесса Сура выходит из башки и разлетается тысячей мелких кусочков. Я морщусь.

– Ну, это... нехорошо.

– Действительно, – соглашается Белрен. – А это значит, что нам нужно найти способ миновать эту магию, – он поворачивается, чтобы посмотреть на меня. – А как проникнуть в непроницаемую тюремную башню, которая разорвет тебя на тысячу кусочков, если ты попытаешься сбежать?

Это вопрос с подвохом?

– Мм... не знаю.

Белрен ухмыляется.

– Не знаешь.

Он снова разворачивается и перепрыгивает через огромный камень, а затем ловко приземляется на грязь в трех футах от меня. Когда я пытаюсь повторить за ним, это не я опускаюсь на землю. Это земля бросается на меня.

– Ай! – Я падаю на задницу в кучу безжизненных, острых палок и вытаскиваю ветки из своих тылов.

Белрен берет меня за руку и поднимает на ноги.

– Итак, если мы не можем пройти через магию, наложенную на тюремную башню, как мы собираемся вытащить принцессу?

Он снова тянет меня вперед, и я делаю все возможное, чтобы не споткнуться о камни, пока мы так быстро идем.

– Магия в тюремную башню поступает из одного источника. От короля. А ты помнишь, что делает магия короля Белуара?

Я вспоминаю отбор и то, как моих генфинов заставили сражаться насмерть. Сцена испытания с мечами, которые обладали собственным разумом, отчетливо всплывает в памяти. Как и то, что Ронак превратился в зверя и разрубил всех до единого фейри противной стороны. От этой мысли по телу пробегают мурашки.

– Да, магия короля Белуара каким-то образом управляла мечами и наделила их собственной волей.

– Верно, – говорит Белрен, помогая мне пройти через очередной скалистый кусок. Гора Арахно вырисовывается все ближе и ближе.

Мой разум пытается угнаться за ним.

– Подожди. Ты говоришь, что он сделал то же самое и с башней? Что он каким-то образом... наделил ее собственным разумом?

– Не разумом. Волей. У стен тюремной башни одна цель. Удерживать заключенных внутри. Тюрьма уничтожит любого, кто попытается сбежать.

Я хмурюсь в раздумье. Мы не только должны найти способ открыть камеру принцессы Суры и провести ее мимо стражей, но и сама тюрьма будет бороться с нами. Шансы невелики. И тут меня осеняет мысль.

– Подожди-ка, – говорю я, пытаясь и отдуваясь. – Стражи. Они могут входить и выходить, и тюрьма не причиняет им вреда.

– Правильно, – говорит Белрен. – На стражей наложена магическая печать, так сказать, печать самого короля, чтобы они могли свободно входить и выходить.

– Ну, поскольку король – полнейший придурок, я сомневаюсь, что он сделает это и для нас.

Белрен останавливается за корявым деревом, чтобы выглянуть из-за него и посмотреть на вход в пещеры Арахно.

– Да, – бормочет он. – Он не станет. По крайней мере, настоящий он.

Я смотрю на Белрена как на сумасшедшего.

– Что ты скурил в своей трубке? Хватит говорить загадками. И не мог бы ты сказать мне, почему мы идем к логову сумасшедшей паучихи, пожирающей фейри?

Оглядев окрестности своим серыми глазами, Рогатый Крюк снова тянет меня вперед, крепко держа руку.

– Потому что, маленькая леди из Завесы, – начинает он, пока мы быстро поднимаемся в гору. – Арахно обожает пародочервей. У нее всегда есть заначка.

– Пародочерви?

– Да, корчащееся, извивающееся червеподобное существо, которое питается равным количеством почвы и навоза.

Я морщю нос от отвращения.

– Фу.

– Да, я бы и сам предпочел пировать бараниной и пирогами, – говорит он. – Но, знаешь ли ты, чем известны пародочерви? Знаешь ли ты, *почему* Арахно так любит их?

Я никогда раньше не слышала о пародочервях, но...

– Ну, когда она кого-то пожирает, она получает их силу. Значит, я полагаю, они сильны каким-то странным червивым даром?

– Очень, – говорит он, подтягивая меня к краю входа в пещеру.

Мы приседаем, прислушиваясь и оглядывая окрестности. Через туман и камни я не вижу никакого движения, но каждая тень на земле вызывает у меня мурашки и заставляет дважды оглянуться.

– И что же могут делать пародочерви? – бормочу я.

Белрен оглядывается на меня.

– О, обычные червивые вещи, – тихо говорит он. – Разлагают органические вещества в почве, например.

Ну, это звучит не так уж впечатляюще. Я открываю рот, чтобы сообщить об этом, но Белрен останавливает меня. Его губы кривятся в улыбке, и он говорит:

– О, а еще они отличные подражатели.

Глава 13

Белрен тянет нас в скрытый вход в пещеру Арахно. В отличие от туннеля Белрена этот совершенно темный, и в застоявшемся воздухе витает зловещий запах.

– Можешь подсветить? – спрашивает он.

Я трясую рукой. Моя метка сразу же загорается.

– Да я прославленный факел, – ворчу я.

– По крайней мере, от твоей руки в темноте есть польза, – говорит он с гордым выражением лица. – Уловила? Рука полезна в темноте?

Я закатываю глаза.

– Не мог бы ты объяснить, что значит «Отличные подражатели»? Я не понимаю, о чем ты, – шепчу я, пока мы отправляемся в головокружительное путешествие по туннелям Арахно.

Должно быть, Белрен предварительно изучил их, потому что он не мешкает на поворотах, выбирая сторону.

– Я имею в виду именно это. Они подражают. Биологически они становятся сильнее, когда поглощают почву у самых здоровых магических корней. То же самое относится и к фекалиям. Чем сильнее фейри, тем лучше навозный пир.

– Мерзость.

– Взамен они берут магию и переваривают ее, только чтобы вернуть в землю в новой форме. Они отвечают за здоровье и силу наших земель. Ведь сила фейри, в конце концов, исходит от земли, – объясняет Белрен, пока мы продолжаем идти по темным тропам. – К сожалению, на пародочервей часто охотятся, и в наше время они стали редкостью. В конце концов, они же не просто еда. Они – источник энергии. Животные и фейри часто охотятся на них.

– Значит, они подражают фейри в качестве защитного механизма?

– Именно. Пародочерви могут имитировать не только внешность фейри, но и их магию. Только на очень короткий период времени, но нам этого хватит.

Мое сердце учащенно бьется из-за новой информации.

– Ты хочешь сказать, что если мы сможем достать одну из этих штуквин, то она притворится королем?

Белрен ухмыляется.

– Именно это я и говорю.

Он останавливается и подносит палец к губам. Я смотрю, как он выглядывает из-за угла туда, где виднеется пламя костра, которое отбрасывает свет и тени на стены.

– Чисто, – бормочет Белрен.

Он втягивает меня в комнату, и ужасные воспоминания всплывают в голове, как только я вижу это помещение. В центре огромный котел, в котором варится боги знают что, а за ним – паутина, которая покрывает стену и полки, заполненные кусками фейри.

– Как они выглядят? – спрашиваю я, когда Белрен принимается торопливо осматривать помещение.

– Пародочерви тонкие, но очень длинные, – тихо говорит он, двигаясь по комнате. – Возможность смотреть была единственной хорошей вещью, что скрашивала мой плен.

Он останавливается перед стеной из паутины и выжидающе смотрит на меня.

– Можешь проделать тот трюк с Завесой и оказаться за паутиной?

– Да, но я не смогу вытащить сюда червяка. Я не могу вводить живых существ в Завесу и выводить их оттуда, – объясняю я, спеша к нему.

– Я вытащу тебя обратно, – заверяет меня Белрен. – Теперь слушай: когда я видел их там, – говорит он, жестом указывая за стену из паутины, – они были подвешены вверх. Еще они слегка светятся голубым.

Я вытираю потные ладони о штаны и киваю.

– Хорошо.

– Арахно, вероятно, занята сушкой новых шкур, но это не значит, что она не может вернуться сюда в любой момент. Лучше поторопиться.

Ему не нужно повторять дважды. Я проскальзываю в Завесу и прохожу через стену паутины, а затем задыхаюсь от того, что обнаруживаю.

Снова переходя на физический уровень, я возмущенно шепчу:

– Неплохо было бы предупредить!

– Прости, – говорит он, хотя в его голосе нет ни капли сожаления. – Я подумал, что ничего хорошего не будет, если я заранее расскажу об обезвоженных трупах.

Я гримасничаю, осторожно переступая через кости и куски тел, которыми усеяно здесь все пространство. Их в разы больше, чем я предполагала. Здесь даже больше костей, чем я могу сосчитать. Груда костей на два фута выше земли.

Еще к потолку подвешены на паутине болтающиеся штуковины. Некоторые из них – животные, вроде кроликов и мышей, но другие крупнее, и по запаху я могу сказать, что вокруг меня определенно висят мертвые фейри. Это ужасно.

Поразмыслив полсекунды, я начинаю обыскивать чудовищные паутинные коконы, вдруг я найду кого-нибудь живого. Кокон липкий, а паутина прочнее, чем кажется, но мне удастся разорвать некоторые из них, но я обнаруживаю лишь один безжизненный труп за другим. Зрелище не из веселых.

– Почему ты так долго? – Шипение Белрена заставляет меня чуть ли не выпрыгнуть из кожи.

– Святые сердца. Не делай так! – кричу я шепотом.

– Что, не разговаривать?

– Да, – огрызаюсь я. – Я не хочу слышать голоса, пока осматриваю трупы.

Он многострадально вздыхает.

– Почему ты осматриваешь трупы? Сосредоточься на задании. Принцесса Сура знает, что у тебя такая плохая концентрация внимания?

– Моя внимательность не настолько плоха! Я поступаю, как добрый самаритянин, пытаюсь освободить пленников!

– Просто достань этого чертового парадочервя!

– Ладно!

Я кручусь, спотыкаясь о кости. Выбрасываю руки, чтобы сохранить равновесие, и, конечно же, зацепляюсь за стену из паутины и сразу застреваю.

– Что это был за шум? – спрашивает Белрен из-за стены. Я вижу, как его тень следует за мной.

– Ничего, – быстро говорю я.

Я пытаюсь отцепиться, но это невозможно.

– Из чего, черт возьми, сделана эта штука? – ворчу я.

– Ты застряла в паутине, да?

– Нет, – поспешно говорю я.

– Мне что, нужно пройти туда и самому достать этого чертова червяка? – рычит он.

– У меня все схвачено.

Я быстро становлюсь невидимой, отлепляюсь от паутины, а затем снова возвращаюсь в физическое измерение. Я с удвоенным старанием озираюсь по сторонам в поисках проклятого червяка и наконец замечаю его примерно в четырех футах. Длинный светящийся голубой червь, верхняя половина которого погружена в грязный потолок.

– Кажется, нашла.

Я собираю кучу костей, сотворив импровизированную стремянку, чтобы дотянуться до потолка, а затем принимаюсь копать вокруг червя, чтобы отыскать его голову. Она оказывается глубже, чем я рассчитывала, и, кажется, продолжает двигаться.

– Какой длины эти штуки? – спрашиваю я. Я продолжаю копать, и грязь падает мне на лицо и в рот.

У меня сводит мышцы от того, что я держу руки над головой, но я не останавливаюсь, даже когда ногти ломаются, а руки начинают дрожать.

Если бы Ронак был здесь, он бы сказал, что мне нужно поработать над мышцами рук. Я бы, конечно, поспорила с ним, но он был бы прав. Боги, как мне его не хватает.

– Поторопись, – шипит Белрен с другой стороны стены.

– Я пытаюсь!

Еще больше комков грязи падает вниз, попадая мне в волосы. Мне приходится вытирать глаза рукой, чтобы видеть. В тот момент, когда я уверена, что мои руки вот-вот отвалятся, я наконец добираюсь до головы червя и вытаскиваю его наружу.

– Да! Получилось!

– Не дай ему себя облизать.

Я корчу гримасу и держу червя на расстоянии вытянутой руки, пока тот извивается и бьется об меня. Бледно-голубой цвет не помогает ему выглядеть менее отвратительно.

– У него есть язык? – пишу я.

– Да, а теперь уходи оттуда, – говорит Белрен, в его голосе слышится тревога. – Кто-то идет.

Я поспешно начинаю сворачивать червя, будто убираю садовый шланг, наматывая вокруг локтя и держа за конец. Он извивается, пока я осторожно вынимаю почти все стрелы, кроме двух, а затем засовываю червяка в колчан. Еще я набираю несколько горстей земли и высыпаю ее сверху, просто чтобы ему было немного уютнее и чтобы червяк меньше злился из-за того, что его грубо выдернули.

Закончив, я с колчаном в руке бросаюсь к стене, где Белрен прорезал полосу, чтобы я протиснулась сквозь нее. Несколько прядей моих волос прилепляются к паутине, и я чуть не теряю лук, но Белрен отрезает цепкие нити паутины, которые хотят удержать меня.

– Нашла, пошли, – говорю я ему.

Не успеваем мы сделать и шаг, как от стен отскакивает жуткий гогот, и мы оба оборачиваемся на звук.

– Боги, боги. Птичка вернулась к Арахно, – говорит она, и у меня кровь стынет в жилах.

Ее серая, дряхлая кожа свисает с костей, что только, кажется, вторит жидким прядям волос длиной до костлявых колен. Ее черные глаза-бусинки моргают вразнобой, и их должно быть не меньше дюжины. А вот ее рот... он растекся в идеальную белую ухмылку, которая не сочетается с остальными чертами. Ухмыляющаяся Арахно не кажется мне добрым знаком.

– Милая птичка улетела и забрала Рогатого у Арахно, – говорит она, подкрадываясь к нам ближе.

Она загораживает единственный выход, потому что я слишком долго стояла за стеной из паутины. Я сжимаю в руках ремень колчана и прижимаю его к груди, как щит, думая, как, черт возьми, мы выберемся из этого.

Белрен презрительно усмехается.

– Я тебе не принадлежу.

Движением запястья он использует телекинез, чтобы поднять огромный котел, полный кипящей жидкости, над очагом и отправить его в Арахно. Но как раз в тот момент, когда он опрокидывается и выливается, она щелкает пальцами, и котел дергается и падает обратно на очаг, а Белрен горбится и издает болезненный стон.

– Ты в порядке? – спрашиваю я, бросая на него обеспокоенный взгляд, стараясь при этом ни на секунду не выпускать Арахно из виду.

Его серебристая кожа выглядит бледнее, чем обычно, но он снова выпрямляется, хотя могу сказать, что чувствует себя он не очень хорошо.

– Она что-то сделала. Моя сила. Она, должно быть... попробовала часть меня, чтобы вот так контролировать.

Он двигает руками, пытаясь снова использовать свою силу, но ничего не происходит.

– Проклятье.

Арахно продолжает ухмыляться.

– Рогатый был подарком для Арахно. Это значит, что он действительно принадлежит Арахно, – продолжает она. – И маленькая птичка забрала его. Птичка не торговалась за него. Она украла его у Арахно, – говорит она, ухмылка окончательно исчезает, и ее заменяет ужасный злой взгляд.

Ну, черт. Это хуже, чем ухмылка.

Глава 14

– Мм... Арахно, я хочу заключить сделку! – отчаянно кричу я.

Она даже не удостоаивает меня ответом. Не то чтобы я ожидала, что это сработает.

Вместо этого она поднимает костлявую руку и снова щелкает пальцами. Мгновенно вокруг нас возникает огненный круг и, словно лассо, притягивает нас с Белреном друг к другу спинами. От резкого движения я роняю колчан из рук, и почва рассыпается по земле, когда из него вываливается пародочервь. Я удивленно вскрикиваю, когда огненная веревка обхватывает наши талии. Она достаточно горячая, чтобы я мгновенно вспотела, но она не обжигает, если я не двигаюсь или не пытаюсь освободиться.

– Не шевелись, – говорю я Белрену.

Он так и делает, воздух наполняется запахом горелой одежды.

– Птички и рожки, – говорит Арахно, выходя вперед. – Рожки и птички. Хорошая еда будет для Арахно. Арахно уже пробовала. Всего лишь кусочек. Арахно жаждет большего.

– Стань невидимой, – шепчет мне Белрен через плечо. – Уходи.

– Я тебя не брошу, – возражаю я. – Любой уважающий себя шпион не стал бы так поступать!

Я почти оскорблена тем, что он предположил подобное. Если не считать того факта, что он не хочет, чтобы я умерла. Вот это мило с его стороны.

– Тогда у тебя есть другие идеи? Потому что я бы предпочел, чтобы нас сегодня не съели живьем.

– Ты и я, вдвоем, приятель.

Арахно начинает перемещаться по пещере, бросая в котел специи и... куски фейри. Мне приходится дышать через рот, чтобы не задохнуться от одного только запаха. Она принимается напевать какую-то песню о птице со сломанным крылом, которая не может улететь домой.

– Не очень приятно, – бормочу я.

– Какой у нас план? – спрашивает Белрен.

– Не переживай, Рогатый Съемщик. Я с тобой, – говорю я.

Как только Арахно поворачивается спиной, я становлюсь невидимой, вкладываю стрелу и стреляю, став телесной. Стрела попадает ей точно в спину... и отскакивает.

– Что за фигня?

Арахно медленно оборачивается. Жутко медленно. Я сглатываю желчь, которая хочет подняться в горло. Арахно вскидывает руки, и я резко вздрагиваю.

Станным движением Арахно создает огромный пузырь воды и отправляет его в меня. Он обволакивает мое тело, забирая весь воздух и заставляя барахтаться. Вода пытается проникнуть в каждое мое отверстие, обжигая глаза, давя на нос, уши и сомкнутые губы.

Арахно шагает прямо передо мной, и я вижу следы смерти и гнили на ее отвратительно идеальных зубах. Между ними все еще застряли крошечные кусочки костей и кожи.

– Стань невидимкой! – кричит Белрен, борясь с огненными веревками. Я слышу его искаженный сквозь воду голос, гораздо тише, чем он есть на самом деле.

Я пытаюсь, но не могу. Я пытаюсь снова и снова, но ничего не получается, и внутри меня разгорается паника. Какую бы магию она ни использовала против меня, она мешает мне войти в Завесу.

Когда Арахно снова щелкает пальцами, вода начинает медленно нагреваться. Я чувствую, как температура поднимается, поднимается, поднимается вместе с моей нарастающей паникой.

Я пытаюсь пробиться через магический пузырь, который не пропускает ко мне воздух, но он не лопается, что бы я ни делала. Я бросаю полный ужаса взгляд на Белрена. Я знаю,

что, если открою рот и впущу воду в легкие, все будет кончено. Белрена держит огонь, а мне угрожает вода.

– Маленькая птичка может летать, но маленькая птичка не может плавать, – гогочет Арахно. – Маленькая птичка сварится. А Арахно любит вкусное птичье рагу.

Быть утопленным и сваренным – не самый приятный способ умереть. Я чувствую, как связь с парами корчится внутри меня так же, как корчится червь на земле позади. И хотя Окот, возможно, предал меня, у меня все еще есть три пары, которых я люблю, и я чувствую привязанность к ним сейчас больше, чем когда-либо за все время моего существования купидоном. Любовь – это то, что всегда было нужно людям. Любовь – это то, что всегда было нужно *мне*. Слезы наворачиваются на глаза, перед которыми появляются черные точки. Я люблю своих генфинов, но так и не смогла сказать им об этом.

Это единственное слово словно засело внутри меня, глубоко за ребрами. Я внезапно зажигаюсь им, в тысячу раз ярче, чем слабое розовое свечение моей метки купидона.

На одну секунду я замираю в водяном пузыре, глядя на встревоженное лицо Арахно, а в следующую из меня льется белый свет. Я открываю рот в негромком крике, и вода вливается в меня, пока свет расходится во все стороны.

Во взрыве звука и жара свет вырывается из каждой поры моего тела, мгновенно уничтожая магический пузырь и заставляя воду упасть на землю. Я не дышу, потому что мне это не нужно. Мои глаза смотрят прямо в перепуганное лицо Арахно, ее бесчисленные глаза моргают от шока, свет, исходящий от меня, настолько ярок, что она закрывается руками.

Но это бесполезно. Она не может бороться со светом, и он мгновенно ее поглощает.

В одно мгновение свет исчезает, и я падаю на колени, откашливаю воду и делаю глубокие, судорожные вдохи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.